МД 10 — 122

В. В. Назаревскій.

РИД 10 122

ПАТРІАРХЪ ГЕРМОГЕНЪ,

НАРОДНЫЯ ОПОЛЧЕНІЯ

Д. М. Пожарскаго и К. З. Минина

И ИЗБРАНІЕ НА ЦАРСТВО

МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА РОМАНОВА.

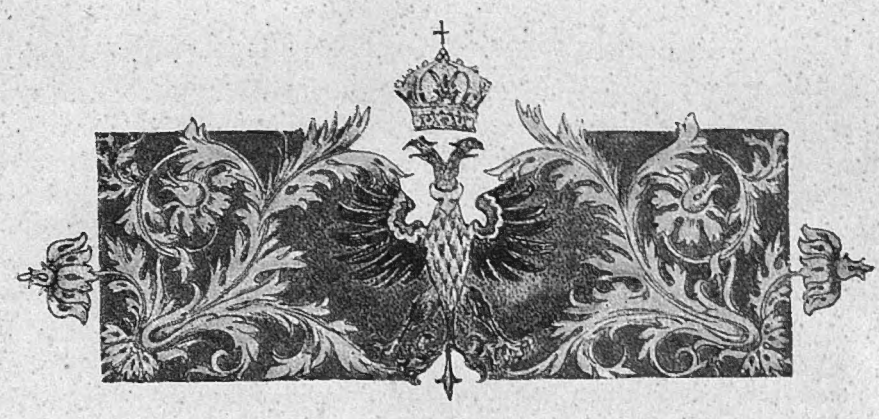
Къ трехвѣковымъ юбилеямъ 1912 и 1913 годовъ.

Чтенія для московскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА. —1911.

2 экз

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
932706
М



Мы, русскіе, въ отличіе отъ другихъ народовъ, обогнавшихъ насъ въ образованности, мало знаемъ свою Отечественную Исторію и недостаточно чтимъ ея важныя событія и ея великихъ героевъ и должны пользоваться каждымъ случаемъ для расширенія и углубленія нашихъ познаній въ области нашего историческаго прошлаго. Прекрасные поводы къ этому даетъ вошедшее у насъ въ обычай чествованіе историческихъ юбилеевъ.

Со времени семисотлѣтія Москвы (въ 1847 году) у насъ учащается ихъ празднованіе. Вспомнимъ, напримѣръ, тысячелѣтіе съ основанія Русскаго государства (въ 1862 году), девятисотлѣтіе крещенія Руси (въ 1888 году), двухсотлѣтіе съ рожденія Петра Великаго (въ 1872 году), основанія Петербурга (въ 1903 году), Полтавской битвы (1909 году), столѣтія покоренія Финляндіи и проч.

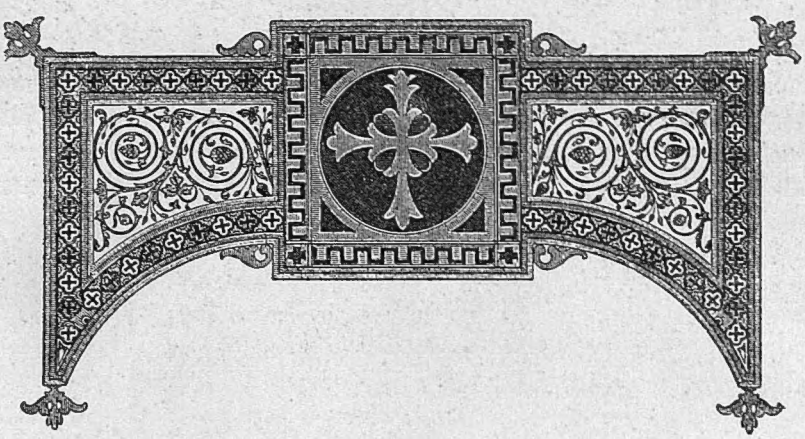
Въ настоящее время приближаются три знаменательнѣйшихъ юбилея родной исторіи, которые падаютъ на два уже недалекіе года 1912 и 1913, это — трехсотлѣтіе со времени освобожденія Москвы и Россіи отъ смуты и владычества Польши, а также и съ возстановленія Москвы и Русскаго государства, подъ державою основателя новой національной династіи — царя Михаила Ѳеодоровича Романова; а съ трехсотлѣтіемъ нашей народной войны 1612 года совпадаетъ столѣтіе Отечественной войны 1812 года, спасшей Россію отъ грознаго завоевателя—Наполеона I, приведшаго къ намъ полчища почти всей Западной Европы.

Чѣмъ своевременнѣе и старательнѣе приготовятся русскіе люди къ чествованію этихъ великихъ эпохъ и ихъ выдающихся героевъ, тѣмъ больше будетъ пользы для русскаго народа и нашего родного государства.

«Да не престанетъ память предковъ нашихъ», говорили встарь на Святой Руси мудрые люди и побужденія къ этому указывали въ слѣдующихъ своихъ словахъ: *дабы свѣща не угасла*, разумѣя подъ нею свѣточъ поучительныхъ историческихъ преданій и національнаго самосознанія, которыя освѣщаютъ намъ пути дѣятельности въ настоящемъ и будущемъ.

Предстоящее празднованіе указанныхъ юбилеевъ дѣло уже неизмѣнно рѣшенное: по волѣ Государя Императора, правительственныя, общественныя и ученыя учрежденія готовятся къ подобающимъ чествованіямъ этихъ великихъ эпохъ. Но и самому народу, и дома и въ школѣ, пора принять участіе въ этихъ важныхъ приготовленіяхъ ознакомленіемъ съ тѣми событіями и историческими дѣятелями, кои станутъ предметами прославленія, чтобы не кое-какъ, а сознательно отнестись къ предстоящимъ празднествамъ.

Въ виду этого мы и рѣшились въ настоящей книжкѣ собрать все главное, что необходимо знать каждому русскому о событіяхъ и герояхъ достопамятныхъ 1612, 1613 и 1812 годовъ. Предлагаемые очерки мы сопровождаемъ цѣлымъ рядомъ историческихъ рисунковъ и спискомъ свѣтовыхъ картинъ, нужныхъ въ тѣхъ случаяхъ, если настоящее изданіе дастъ матеріалъ для чтеній въ школьныхъ и другихъ собраніяхъ.



I.

Наше лихолѣтье и 1612 годъ.

Со смерти послѣдняго царя изъ дома св. Владимира—Ѳеодора Іоанновича, въ 1598 году, у насъ, на Руси, наступило смутное время, особенно тяжелое потому, что призванные на престолъ сперва Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ а потомъ князь Василій Іоанновичъ Шуйскій оказались безсильными утвердить свой родъ въ наслѣдственной у насъ царской власти. Родъ Годуновыхъ, при помощи противопоставленнаго ему внутренними смутьянами и поляками мнимаго сына Іоанна IV Димитрія, на самомъ же дѣлѣ, самозванца, былъ низвергнутъ. Низложившій Лжедимитрія I и провозглашенный царемъ Василій Іоанновичъ Шуйскій въ четыре года (1606—1610) не укрѣпился со своимъ родомъ на престолѣ потому, что не одолѣлъ внутренней смуты и внѣшнихъ враговъ, и потому, что не могъ передать державу ни любимому народомъ доблестному племяннику своему князю Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому, умершему въ 1610 году, ни брату своему Димитрію Іоанновичу, на котораго обрушилась народная ненависть за понесенное имъ отъ поляковъ пораженіе при Клушинѣ и по подозрѣнію, будто онъ отравилъ своего выше названнаго племянника, въ которомъ хотѣли видѣть будущаго царя.

Когда же Василій Іоанновичъ принужденъ былъ покинуть престолъ, а верховная власть перешла къ знатнѣйшимъ семи лицамъ боярской думы, настала самая тяжкая пора смутнаго времени, лихолѣтье междуцарствія, доведшее Русское государ-

ство почти до полной гибели. Правительство семибоярщины не отличалось ни силою, ни мужествомъ, ни прозорливостью. Оно было безсильно избрать царя изъ среды русскихъ людей и, опасаясь, что Москву и государство захватитъ Лжедимитрій II, противо-

Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій.
(По Титулярнику).

поставленный Василію Шуйскому и вербовавшій себѣ сторонниковъ въ низшихъ классахъ народа, стало искать царя въ Польшѣ. Правители государства не придавали значенія тому, что поляки въ XVI и XVII столѣтіяхъ въ подвластныхъ имъ Малой, Бѣлой,

Червонной и Черной Руси католичили и полячили высшіе классы народа, а низшіе, обращенные въ крѣпостное состояніе, совращали изъ православія въ унію, подвергая жестокимъ притѣсненіямъ самую русскую народность. Ихъ близорукость не смущало и то, что поляки поддерживали и Лжедимитрія I, какъ тайнаго католика, и Лжедимитрія II, какъ орудіе расшатыванія Россіи, что они еще недавно, подъ предводительствомъ пановъ Сапѣги и

Святѣйшій патріархъ Гермогенъ. Скончался 17 февраля 1612 года.

Лисовскаго, 16 мѣсяцевъ осаждали Троицкую лавру. Имъ не казалось опаснымъ и то, что заклятый врагъ православія король польскій Сигизмундъ III началъ наступательное движеніе на Восточную Русь и уже осадилъ Смоленскъ. Они думали помирить Польшу съ Россіей и умиротворить вторую избраніемъ на престолъ польскаго королевича, сына Сигизмунда—Владислава.

Противъ этого энергически возсталъ доблестный патріархъ Гермогенъ. Онъ проявилъ уже свою преданность православію, когда

требовалъ, чтобы невѣста Лжедимитрія I, полька Марина Мнишекъ, раньше своего вѣнчанія съ нимъ, приняла православіе. При Василіи Шуйскомъ онъ возставалъ противъ Лжедимитрія II и поляковъ и защищалъ противъ смутьяновъ законнаго царя, что и удерживало его на престолѣ. Но ни поддержка патріарха, ни доблестная 16-мѣсячная защита Троицкой лавры отъ поляковъ и приверженцевъ самозванца, ни предводимыя Михаиломъ Скопинымъ-Шуйскимъ ополченія городовъ и вспомогательныя войска шведовъ не удержали Василія Іоанновича на престолѣ. Готовившійся итти на выручку Смоленска князь Скопинъ-Шуйскій неожиданно скончался отъ кровотеченія горломъ и носомъ, которое началось у него на крестинномъ пиру у князя Воротынскаго. Стали распускать молву, что народному любимцу подала отравленную чашу съ медомъ жена Димитрія Шуйскаго, разсчитывавшаго, по смерти бездѣтнаго Василія, сдѣлаться его преемникомъ на царствѣ. Этотъ Димитрій Шуйскій и посланъ былъ противъ поляковъ, но былъ, какъ сказано, разбитъ при Клушинѣ ихъ гетманомъ Жолкѣвскимъ.

Эти два обстоятельства дали силу внутреннимъ врагамъ Василія Шуйскаго, среди которыхъ дѣйствовали польскіе агенты. Братья Ляпуновы, Голицыны и другіе подбили народъ, вопреки патріарху Гермогену, просить Василія Іоанновича Шуйскаго сойти съ престола, потому что родъ его несчастенъ. Тотъ, не видя себѣ достаточной поддержки, уступилъ этимъ крамольнымъ требованіямъ и переѣхалъ въ свой боярскій домъ на Арбатѣ. Но его враги, опасаясь его возвращенія на царство, насильственно постригли его въ монахи и перевезли въ Чудовъ монастырь. Верховная власть перешла, какъ было сказано, къ боярской думѣ, къ ея главнѣйшимъ семи боярамъ, во главѣ которыхъ стоялъ князь Мстиславскій. Такимъ образомъ на Руси съ 19 іюня 1610 года наступило междуцарствіе. Всѣ, въ томъ числѣ и сама семибоярщина, отлично понимали, что замѣнившее Василія Шуйскаго учрежденіе составляетъ лишь временное правительство и что необходимо избрать царя. Но кого? Этотъ вопросъ привелъ къ раздѣленіямъ и спорамъ. Патріархъ Гермогенъ, не одобрявшій насильственнаго низведенія съ престола и постриженія Шуйскаго, требовалъ или возстановленія его на царство, или избранія царя изъ русскихъ бояръ, при чемъ указывалъ на юнаго Михаила Ѳеодоровича Романова, состоявшаго по бабкѣ своей, царицѣ Анастасіи Романовнѣ, въ родствѣ съ угасшимъ царскимъ родомъ, или же другого русскаго же боярина, какъ князя

Василія Голицына. Многіе стояли за второго самозванца, удалившагося послѣ распаденія Тушинскаго лагеря отъ Москвы, а теперь пришедшаго въ село Коломенское и угрожавшаго взятіемъ Москвы, гдѣ у него было не мало приверженцевъ, особенно среди черни. Подъ вліяніемъ страха предъ воцареніемъ «тушинскаго вора», бояре и рѣшились призвать на Русскій престолъ польскаго королевича Владислава, сына короля Сигизмунда III.

Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій.
Съ современнаго портрета.

Многіе дѣятели переворота, низвергшаго Шуйскаго, и сторонники Владислава не подозрѣвали того, что они были только орудіемъ польской интриги, которая начала у насъ вить себѣ гнѣздо еще со времени перваго самозванца и сдѣлала успѣхи при второмъ. Послѣ его удаленія изъ Тушина, его приверженцы Салтыковъ и Андроновъ вошли въ измѣнническія сношенія съ королемъ Сигизмундомъ, прося у него на царство его сына и въ польскихъ интересахъ чрезъ своихъ сообщниковъ стали подкапываться подъ Шуйскаго. Это раскрылъ въ своихъ запискахъ гетманъ Жолкѣвскій, шедшій съ войсками на Москву, какъ на наслѣдство польскаго королевича

Онъ самъ говоритъ въ этихъ «Запискахъ», что раньше «*онъ посылалъ тайнымъ образомъ въ Москву много писемъ съ универсалами* (по-нынѣшнему — прокламаціями, а по-старо-русски — подметными грамотами) *для возбужденія ненависти противъ царя Василія*, и указывалъ въ нихъ, какъ въ царствѣ Московскомъ въ его правленіе все идетъ дурно и какъ чрезъ него и за него безпрестанно проливалась христіанская кровь; эти универсалы разбрасывали по улицамъ въ Москвѣ. Въ частныхъ же письмахъ, подготовляя заговоръ, онъ *давалъ обѣщанія нѣкоторымъ лицамъ* и обнадеживалъ ихъ, отчего де *умы волновались*. Не довольствуясь такою пропагандою, онъ заключалъ съ податливыми на измѣну лицами и прямые договоры. Его *договорная запись съ княземъ Елецкимъ* и нѣкоторыя другія бумаги произвели въ Москвѣ такое агитаціонное возбужденіе, что, какъ

доносилъ панъ Жолкѣвскій Сигизмунду, московскіе сторонники его *готовы были прочесть тѣ бумаги у Кремля, на Лобномъ мѣстѣ* Красной площади и, согласившись съ лицами, дѣйствовавшими съ ними заодно, намѣревались *поймать Шуйскаго и отослать* къ нему или же, въ случаѣ неудачи, выѣхать къ нему изъ столицы». Къ несчастью, русскіе люди все это исполнили буквально.

Скоро подошли къ Москвѣ поляки, чтобы использовать сдѣланное руками русскихъ измѣнниковъ, смутьяновъ и малодушныхъ. Жолкѣвскій съ своими войсками расположился лагеремъ на Дѣвичьемъ полѣ. Москва, уже заранѣе охваченная іезуит-

Польское войско XVII вѣка. *Яна Матейки.*

скими сѣтями, готовилась сдаться въ польскія руки. Ранѣе поляковавшіе знали, что дѣлаютъ; а малодушные и близорукіе думали, что лучше поддаться Владиславу, чѣмъ тушинскому вору, агенты котораго волновали чернь. Этимъ малодушнымъ людямъ казалось труднымъ на Русскомъ престолѣ утвердить Русскаго царя. Вотъ почему шаткое правительство семибоярщины, правящій классъ и многіе сбитые съ толку изъ народа избрали въ цари Владислава. Однакоже полякующіе чужедумцы, въ виду твердости патріарха и его великаго авторитета въ народѣ, постарались по возможности обставить избраніе польскаго королевича условіями, обезвреживающими его отъ внесенія къ намъ польщизны.

Рѣшено было требовать, чтобы Владиславъ до прибытія въ Россію принялъ православіе; не входилъ въ сношенія съ рим-

скимъ папою, не строилъ въ Москвѣ костеловъ и не держалъ ксендзовъ; наказывалъ смертью отступниковъ отъ православія, женился на русской, имѣлъ при себѣ ограниченное число поляковъ и не ставилъ ихъ на государственныя должности. Для вящшаго обезопашенія Россіи отъ царя польской крови, рѣшено было ограничить его власть въ правленіи постановленіями боярской думы, а въ законодательствѣ и налогахъ земскимъ соборомъ.

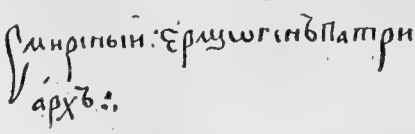
И въ виду указанныхъ гарантій отъ польщизны съ великимъ трудомъ склонили патріарха Гермогена не противодѣйствовать вступленію Владислава, на что, однако, пошелъ онъ, скрѣпя сердце, лишь до поры до времени, какъ покажутъ себя по соблюденію условій Владиславъ и поляки. Хитро примирительный угодовецъ Жолкѣвскій (онъ былъ русской крови, но глубоко ополяченъ) ловко обставилъ на переговорахъ нашихъ бояръ, надававши имъ всевозможныхъ обѣщаній. Они присягнули и заставили народъ присягать королевичу Владиславу и вопреки обязательству Жолкѣвскаго— не вводить поляковъ въ Москву, несмотря на протесты патріарха, за обѣщаніе отогнать отъ столицы самозванца, сдали полякамъ Кремль и Китай-городъ съ ключами ото всѣхъ крѣпостныхъ воротъ.

Мало того, бояре сами сдали въ руки Жолкѣвскаго царя Василія и его братьевъ, и этими трофеями Польша повеличалась надъ униженною Москвою, такъ какъ еще не было случая, чтобы Русскій царь (о князьяхъ не говоримъ) попадалъ въ плѣнъ. Въ великое посольство къ Сигизмунду включили, по желанію Жолкѣвскаго, самыхъ опасныхъ для королевича людей: митрополита Филарета, отца кандидата на престолъ, т.-е. Михаила Ѳеодоровича Романова, и кн. Голицына, который тоже намѣчался въ цари, чтобы они были заложниками въ польскихъ рукахъ. Когда же Жолкѣвскій обставилъ такъ ловко все это дѣло, получены были отъ Сигизмунда секретныя извѣстія, что онъ совсѣмъ не желаетъ отпускать Владислава и самъ будетъ царствовать въ Москвѣ. Отлично понимая, что русскіе люди не согласятся подчиниться этому ученику іезуитовъ и гонителю православія и нашей народности въ Западной Руси, Жолкѣвскій поспѣшилъ стушеваться и сдалъ начальство надъ польскимъ войскомъ въ Москвѣ своему помощнику пану Гонсѣвскому.

При немъ сразу круто измѣнились отношенія поляковъ къ русскимъ и въ Москвѣ и подъ Смоленскомъ: Гонсѣвскій лишилъ значенія боярскую думу, враждебно относился къ патріарху, давалъ вѣсъ только людямъ полякующимъ, какъ Салтыковъ и Андроновъ, отсылавшимъ Сигизмунду короны и другіе аттри-

буты царской власти, и дурно обращался съ москвичами. Однако поляки въ Москвѣ пока не раскрывали вполнѣ видовъ Сигизмунда; но чуткій патріархъ уже началъ говорить въ кругу, впрочемъ, близкихъ людей, что разрѣшитъ всѣхъ отъ присяги Владиславу, если онъ не приметъ православія, и не потерпитъ самого Сигизмунда на престолѣ. *Будучи*,—какъ говоритъ лѣтопись, — *единъ и уединенъ, но зная, что иному некому пособити въ словѣ и дѣлѣ*, Гермогенъ ждалъ только, чтобы поляки открыто показали себя, готовый мужественно и громко поднять противъ нихъ свой голосъ. Вѣсти объ этомъ разными путями распространялись по Руси среди ея чуткихъ людей.

10 ноября къ патріарху явился Салтыковъ съ хитрыми разговорами о Сигизмундѣ «все на то приводя, чтобы крестъ цѣловати самому королю». Но тотъ гнѣвно и рѣшительно отказался отъ нихъ. На слѣдующій день онъ пришелъ уже съ думными бо-



Подпись патріарха Гермогена.

ярами и нагло требовалъ, чтобы онъ разрѣшилъ крестъ цѣловать королю и отписалъ объ этомъ въ грамотахъ.

«Стану писать къ королю грамоты, — сказалъ мужественно патріархъ,—и духовнымъ властямъ велю руки приложить, если король дастъ сына на Московское государство, королевичъ крестится въ православную вѣру нашу, а литовскіе люди выйдутъ изъ Москвы. А что положиться на всю королевскую волю, то видимое дѣло, что намъ крестъ цѣловать самому королю, а не королевичу, и я такихъ грамотъ не благословляю вамъ писать и проклинаю того, кто писать ихъ будетъ; а Русскимъ людямъ напишу, что если королевичъ на Московское государство не будетъ, въ православную вѣру не крестится и литвы изъ Московскаго государства не выведетъ, то благословляю всѣхъ, кто королевичу крестъ цѣловалъ, итти подъ Москву и помереть всѣмъ за православную вѣру». Вотъ первое и рѣшительное слово о борьбѣ за то, что всего дороже для нашего народа, — за вѣру православную. Оно привело въ ярость понявшаго всю его силу руководителя польской партіи.

Съ наглыми ругательствами наступалъ на святѣйшаго патріарха Салтыковъ и даже бросился на него съ ножомъ. Гермо-

генъ, поднявъ руку съ крестнымъ знаменіемъ, сказалъ: «Крестное знаменіе да будетъ противъ твоего окаяннаго ножа. Будь ты проклятъ въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ!» Опасаясь вліянія патріарха на народъ, измѣнникъ испросилъ прощеніе у первосвятителя церкви.

Лжедимитрій II.

Но тотъ отъ слова перешелъ къ дѣлу: ни мало не медля, въ началѣ декабря, собралъ московскихъ гостей (богатыхъ купцовъ) и другой торговый людъ по посадскимъ сотнямъ въ Успенскій соборъ и прямо объяснилъ имъ ужасное положеніе дѣлъ и рѣшительно запретилъ присягать королю. По его слову московскіе люди отказались цѣловать крестъ Сигизмунду.

Когда въ декабрѣ *смерть самозванца*, убитаго на охотѣ крещенымъ татариномъ Урусомъ, освободила русскихъ людей

отъ гнетущаго страха съ этой стороны, патріархъ пошелъ еще далѣе въ борьбѣ съ поляками: онъ сталъ разсылать по городамъ свои грамоты, призывая народъ ополчиться на поляковъ. Въ этихъ грамотахъ онъ объяснялъ королевскую измѣну, разрѣшалъ народъ отъ данной присяги на вѣрность Владиславу и убѣждалъ жителей городовъ, чтобы они, не мѣшкая, по зимнему пути, собрався всѣ въ сборъ со всѣми городы, шли вооруженными ополченіями къ Москвѣ на литовскихъ людей. Гонцы съ подорожными отъ патріарха скакали съ этими грамотами по городамъ разныхъ областей. Прежде всего патріаршія грамоты подняли въ Рязанской землѣ служилыхъ людей, съ Прокопіемъ Ляпуновымъ во главѣ; скоро изъ Нижегородской, Суздальской и Владимірской областей двинулись казаки подъ начальствомъ Просовецкаго, и земскія рати подъ предводительствомъ князя Д. М. Пожарскаго, который раньше Ляпунова прибылъ въ Москву; затѣмъ пошли изъ Калуги и Тулы прежніе тушинцы съ своимъ вождемъ Трубецкимъ.

Вслѣдствіе этого временное правительство не остановилось передъ насиліемъ надъ доблестнымъ первосвятителемъ: чтобы прервать дальнѣйшія его сношенія съ городами: «у него дьяки, подьячіе и всякіе дворовые люди были поиманы, а дворъ его весь разграбленъ». Святѣйшаго патріарха стали держать, *аки птицу въ заклепѣ*, подъ бдительнымъ надзоромъ. Но русскіе люди оповѣстили города объ этомъ возмутительномъ утѣсненіи и гоненіи на первосвятителя. Это давало еще большее значеніе его призывнымъ грамотамъ, которыя пересылались изъ города въ городъ и будили патріотическія стремленія вырвать Москву изъ рукъ поляковъ.

Прокопій Ляпуновъ «послалъ грамоту къ боярамъ о патріархѣ, о мірскомъ гоненіи и о тѣснотѣ». Слова энергическаго предводителя земскаго ополченія подѣйствовали на московскихъ правителей: «съ тѣхъ мѣстъ,—говоритъ лѣтопись,—патріарху учало быти повольнѣе, и дворовыхъ людей ему немногихъ отдали». Правда полной свободы великій святитель не получилъ: его держали въ Кремлѣ подъ бдительнымъ надзоромъ.

«Встанемъ крѣпко,— писалъ въ другіе города въ своей грамотѣ Рязанскій воевода,—двинемся всей землей къ царствующему граду Москвѣ и со всѣмъ православнымъ христіанствомъ обдумаемъ, кому быть на Москвѣ государемъ. У насъ одна дума: или вѣру нашу православную защитить, или всѣмъ до одного помереть». Такіе пламенные призывы, вмѣстѣ съ грамотами

патріарха Гермогена, переписывались и пересылались изъ одного города въ другой, всюду восплеменяя народъ на борьбу съ поляками.

Сильно было вліяніе патріарха и подъ Смоленскомъ. Когда пришла туда изъ Москвы боярская грамота къ русскимъ посламъ, съ приказомъ поступать имъ во всемъ по волѣ Сигизмунда, митрополитъ Филаретъ сказалъ: «Такимъ грамотамъ по совѣсти повиноваться нельзя: писаны онѣ безъ воли патріарха», а князь Голицынъ заявилъ, что, «когда мы стали безъ государя, патріархъ у насъ человѣкъ начальный, и безъ него въ такомъ важномъ дѣлѣ рѣшать не подобаетъ». Дво-

Смоленскъ и его стѣны и храмы.

ряне, находившіеся въ посольствѣ подъ Смоленскомъ, въ грамотѣ своей писали въ Москву, чтобы не надѣялись, что королевичъ воцарится въ Москвѣ, но что поляки выведутъ изъ Россіи лучшихъ людей, опустошатъ ее и завладѣютъ ею. «Ради Бога,—писали эти русскіе люди,—положите крѣпкій совѣтъ между собою. Разошлите списки съ нашей грамоты и въ Новгородъ, и въ Вологду, и въ Нѣжинъ и свой совѣтъ напишите, чтобы всѣмъ было вѣдомо про то, чтобы всею землею сообща стать за православную вѣру, покамѣстъ мы еще свободны, а не въ рабствѣ, и не разведены въ плѣнъ». Грамота эта во многихъ спискахъ была разослана изъ Москвы по городамъ, а къ ней была приложена московская грамота, писанная въ духѣ патріарха Гермогена. Въ ней былъ такой же призывъ ко всѣмъ единодушно возстать на враговъ православія, выручить Москву изъ бѣды. «Здѣсь (въ Москвѣ),—

говорилось въ грамотѣ,—корень нашего царства, здѣсь знамя отечества, образъ Божіей Матери, Заступницы христіанской, которую евангелистъ Лука написалъ. Здѣсь великіе свѣтильники и хранители: Петръ, Алексій и Іона чудотворцы...» Такія грамоты разсылались по разнымъ городамъ, и всюду стали устраиваться ополченія противъ поляковъ.

Поляки, давно уже обижавшіе москвичей и утѣснявшіе патріарха, всполошились. Салтыковъ, по приказу польскаго начальника Гонсѣвскаго, въ мартѣ 1611 года приступилъ снова къ Гермогену и сталъ говорить: «Это ты по городамъ посылалъ грамоты, ты приказывалъ всѣмъ собираться да итти на Москву; отпиши имъ, чтобъ не ходили». Доблестный первосвятитель говорилъ: «Если ты, всѣ измѣнники и поляки выйдете изъ Москвы вонъ, я отпишу къ своимъ, чтобы вернулись. Если же вы останетесь, то всѣхъ благословляю помереть за православную вѣру. Вижу ея поруганіе, вижу разореніе святыхъ церквей, слышу въ Кремлѣ латынское пѣніе и не могу терпѣть». Самъ Гонсѣвскій грозно сказалъ: «Ты, Гермогенъ, главный заводчикъ всего возмущенія! Тебѣ не пройдетъ это даромъ. Не думай, что тебя охранитъ твой санъ!» Но патріархъ оставался непреклоненъ и былъ готовъ на мученичество за вѣру и отечество. Съ той поры его стали держать подъ стражей.

По мѣрѣ того, какъ росла въ Москвѣ дерзость и жестокость поляковъ, росло противъ нихъ сперва недовольство, а затѣмъ и ожесточеніе народа. Напрасно пришельцы сулили русскимъ свою польскую вольность, которая у нихъ выражалась въ ограниченіи государевой власти сеймомъ и сенатомъ, въ правѣ шляхты составлять вооруженные союзы (конфедераціи) противъ правительства. «Вамъ дорога ваша вольность, а намъ—наша неволя. Вѣдь у васъ — не воля, а своеволіе: сильный грабитъ слабаго, можетъ отнять у него имѣніе и жизнь. Искать правосудія по вашимъ законамъ долго..., ничего не возьмешь; а у насъ самый знатный не властенъ обидѣть послѣдняго простолюдина: по первой жалобѣ царь творитъ судъ и расправу... Какъ Богъ, караетъ онъ и милуетъ. Намъ легче перенесть обиду отъ царя, чѣмъ отъ своего брата, ибо царь — владыка всего свѣта». Москвичи стали громко говорить, чтобы поляки позаботились о скорѣйшемъ пріѣздѣ Владислава или убрались изъ Москвы по-добру, по-здорову. «Россія—не такая невѣста, чтобъ ей не найти жениха получше».

Носители восхваляемыхъ свободъ били москвичей, грабили ихъ дома и церкви, не удерживались даже отъ кощунства надъ

Патріархъ Гермогенъ и поляки въ подземельѣ Чудова монастыря.

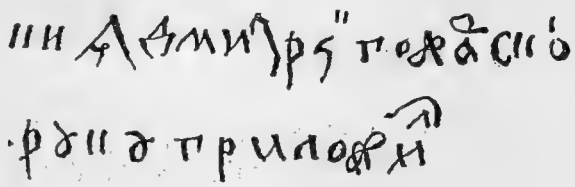
святынями, отъ поруганья ихъ. Одинъ полякъ выстрѣлилъ въ икону, стоящую надъ воротами Никольской башни (уцѣлѣвшую и при ея взрывѣ въ 1812 году). Чтобы отвратить народную грозу, самъ Гонсѣвскій велѣлъ казнить дерзкаго соотчича и даже прибить гвоздями его руку къ иконѣ Николая Чудотворца... Незамѣтно приливали въ Москву небольшіе отряды ополченцевъ и потайно вступали въ ея слободы, въ Земляной городъ и даже въ Бѣлый городъ. Прибылъ сюда изъ Суздаля въ свой домъ на Лубянкѣ и князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. Поляки съ безпокойствомъ разставляли вездѣ караулы, обходили Москву патрулями, втаскивали на стѣны Китай-города и Кремля пушки.

Подходила Страстная недѣля 1611 года. Чуявшій бѣду Гонсѣвскій отмѣнилъ было патріаршій крестный ходъ въ Вербное воскресенье съ шествіемъ на осляти, но, видя раздраженіе народное, опять разрѣшилъ его. Москвичи мрачные и въ небольшомъ количествѣ собрались на это торжество; всюду видны были польскіе отряды. Чувствовались приближающіяся бѣды. Скоро въ эти святые дни Москвѣ пришлось омыться кровью неповинной и очиститься огнемъ пожаровъ. Съ Великаго понедѣльника на нашей Красной площади скопилось много возовъ

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Знамя князя Пожарскаго.

съ дровами. Поляки гнали извозчиковъ втаскивать на кремлевскія стѣны пушки, тѣ не слушались, а кто пошли, сбрасывали пушки со стѣнъ. Поляки стали бить извозчиковъ, а тѣ сдавали сдачу. Поднялся страшный шумъ. Гонсѣвскій приказалъ гнать народъ изъ Китай-города. Польскіе жолнеры и вооруженные нѣмецкіе отряды бросились на безоружныхъ, стрѣляли въ нихъ и рубили саблями. Кровь полилась рѣкой. Заалѣла отъ нея Красная площадь и прилежащія улицы; облились кровью русской иноземцы, а русскіе усыпали своими тѣлами большія пространства. Но уже по всей Москвѣ страшно звучалъ набатъ. Китай-городъ былъ очищенъ отъ русскихъ. Но зато Бѣлый городъ весь уже поднялся на смертную борьбу съ поляками.



Почеркъ князя Пожарскаго.

Съ трудомъ пробрались сюда поляки, но были встрѣчены здѣсь ожесточеннымъ отпоромъ. Князь Пожарскій изъ дома своего на Лубянкѣ громилъ поляковъ изъ пушекъ, но былъ раненъ и отвезенъ въ Троицкую лавру, а отсюда въ свое Суздальское помѣстье; Батурлинъ бился съ поляками у Яузскихъ воротъ, а Колтовскій за Москвой-рѣкою. Отступая за стѣны, поляки, по примѣру проклятаго патріархомъ Салтыкова, поджогшаго свой домъ, зажгли Москву и Замоскворѣчье въ разныхъ концахъ.

Страшно горѣла Москва въ теченіе многихъ дней. Подобный пожаръ она вынесла въ 1812 году. Но въ дыму тогдашняго

Чудовъ монастырь.

пожара улетала послѣдняя терпимость къ полякамъ и измѣнникамъ.

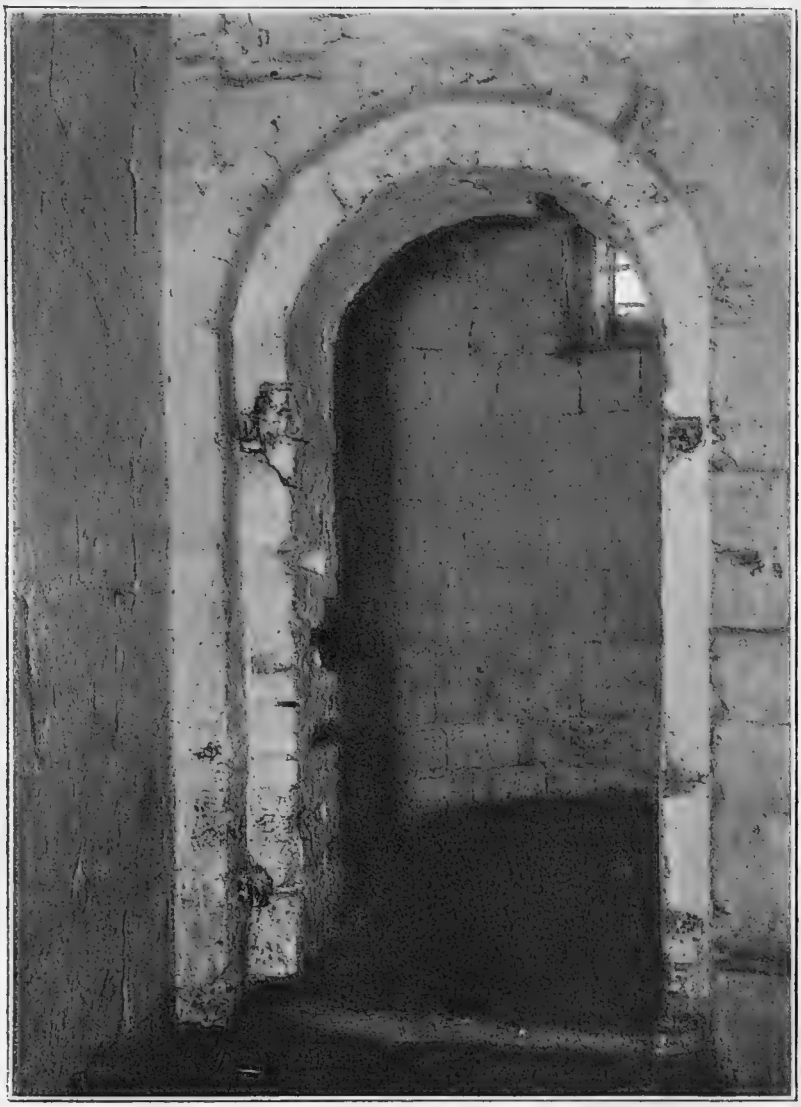
Во вторникъ на Святой недѣлѣ къ сожженной Москвѣ подошелъ Прокопій Ляпуновъ и расположился станомъ у Симонова монастыря. Скоро подошли Заруцкій съ казаками и князь Трубецкой съ калужанами, прежніе приверженцы самозванца. Русскіе заняли пепелище Бѣлаго города, чтобы обложить поляковъ.

Русскіе измѣнники и Гонсѣвскій опять приступили къ патріарху и требовали: «Напиши Ляпунову и товарищамъ, чтобы они отошли прочь; иначе самъ умрешь лютою смертью». Гермогенъ отвѣчалъ: «Боюсь Одного живущаго на небесахъ! Вы мнѣ сулите злую смерть, а я надѣюсь чрезъ нее получить вѣнецъ и давно желаю пострадать за правду». Патріарха низложили и держали въ тѣсномъ заключеніи въ Чудовомъ монастырѣ въ

подземельѣ, куда ему на веревкѣ спускали въ окно хлѣбъ и воду.

Вмѣсто боярской думы, не имѣвшей у Гонсѣвскаго никакого значенія, вожди ополченій составили изъ себя новое правительство. Но въ средѣ этого правительства не было внутренняго единства и той нравственной чистоты, какія необходимы для совершенія великаго дѣла освобожденія Святой Руси. Теперь Ляпуновъ глубоко одушевленъ былъ патріотическимъ духомъ Гермогена. Но его товарищи еще дышали крамолой: Заруцкій и Трубецкой желали продолженія смуты и со своими полчищами грабили и разоряли русскихъ. Попытки Ляпунова сдержать ихъ и водворить добрый порядокъ въ казачествѣ только разжигали ненависть къ честному и энергическому предводителю. Коварный Гонсѣвскій воспользовался этимъ: подбросилъ въ станъ казацкій грамоту отъ имени Ляпунова, искусно подписанную его почеркомъ чтобы русскимъ людямъ убивать казаковъ. Тѣ составили кругъ призвали къ отвѣту Ляпунова и изрубили его саблями [1]). Рухнула съ этимъ поборникомъ за православіе и отечество еще одна опора Россіи, и ополченія городовъ разошлись по домамъ. Скоро послѣ 20-мѣсячной геройской защиты Смоленскъ былъ взятъ поляками. Измѣнникъ Андрей Дешинъ указалъ полякамъ ту частъ стѣны, которая была наиболѣе ненадежна. Они, направивъ сюда пушки, пробили ее и обрушились на защитниковъ Смоленска, число которыхъ отъ 80 тысячъ убавилось до 8 тысячъ. Шеинъ долженъ былъ сдаться Потоцкому, а часть смольнянъ заперлась въ соборѣ и взорвала себя на воздухъ. Наше посольство съ митрополитомъ Филаретомъ, княземъ Голицынымъ и бывшимъ царемъ Василіемъ Шуйскимъ отправлено было въ глубь Польши въ заточеніе. Шведы, не желая уступить Польшѣ всю Россію, занявъ теченіе Невы, отъ Орѣшка до нынѣшняго Петербурга, захватили Новгородъ и требовали, чтобы русскіе или объявили своимъ царемъ шведскаго принца Густава-Адольфа или его брата Филиппа, или же признали свои владѣнія страной покоренной. Русскіе крамольные люди еще думали найти себѣ правителя изъ своихъ самозванцевъ: Заруцкій, напр., въ сынѣ Марины Мнишекъ и второго самозванца. 5 августа 1611 года, когда Сапѣга прокрался въ Кремль съ провіантомъ для соотчичей-поляковъ, нѣкто свіяженинъ *Радіонъ Мосѣевъ* тайно пробрался въ заключеніе къ патріарху, а тотъ воспользовался этимъ, чтобы

[1]) Тѣло его было погребено близъ церкви на Воронцовомъ полѣ, а отсюда, по повелѣнію царя Михаила Ѳеодоровича, было перевезено въ Троицкую лавру.



Мѣсто заключенія патріарха Гермогена въ подземельѣ Чудова монастыря.

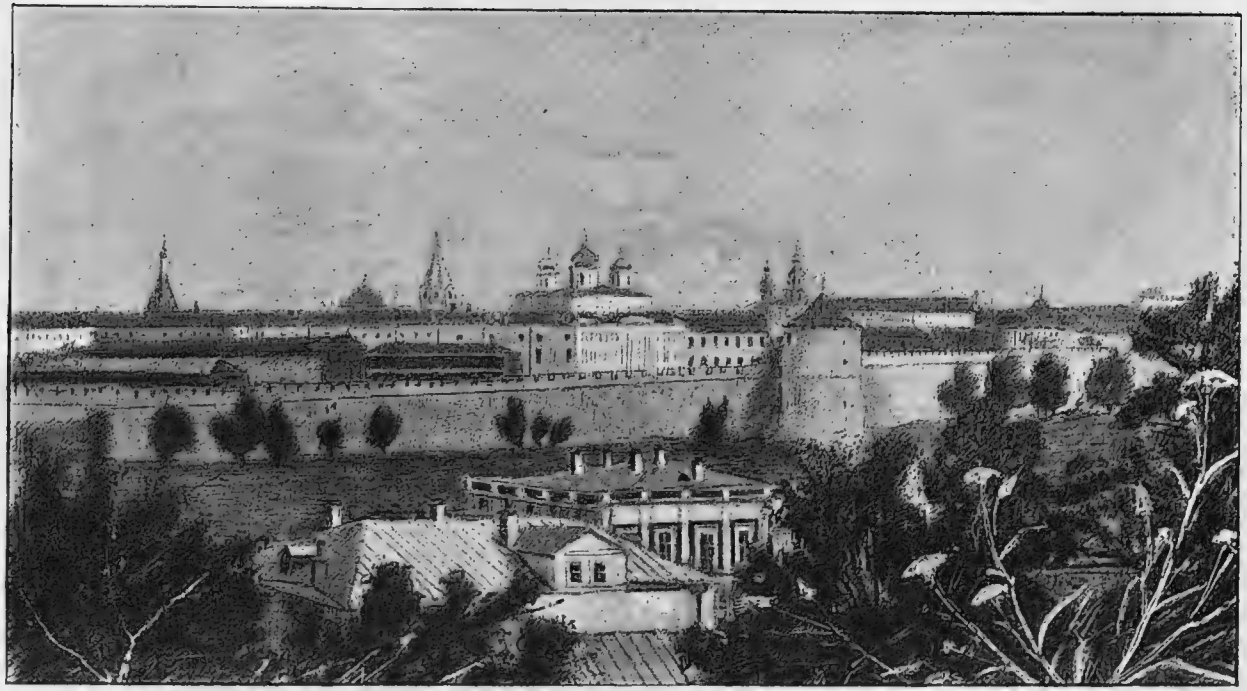
(Воспроизводится впервые). Здѣсь будетъ устроенъ алтарь подземнаго храма, на который уже собираются пожертвованія.

отправить въ Нижній-Новгородъ свою уже послѣднюю грамоту. Вотъ что гласила она:

Благословеніе архимандритамъ, и игуменамъ, и протопопамъ, и всему святому собору, и воеводамъ, и дьякамъ, и дворянамъ, и

дѣтямъ боярскимъ, и всему міру; отъ патріарха Гермогена Московскаго и всея Русіи миръ вамъ и прощеніе и разрѣшеніе. Да писати бы вамъ изъ Нижняго въ Казань къ митрополиту Ефрему, чтобы митрополитъ писалъ въ полки къ боярамъ учительную грамоту, да и казацкому войску, *чтобы они стояли крѣпко въ вѣрѣ*, и боярамъ бы и атаманьѣ *говорили безстрашно*, чтобы они отнюдь на царство проклятаго Маринкина сына... (не брали)... Я не благословляю. И на Вологду ко властѣмъ пишите жъ, также бы писали въ полки; да и къ Рязанскому (владыкѣ) пишите тожъ, чтобъ въ полки также писалъ къ боярамъ учительную грамоту, чтобъ уняли грабежъ, корчму и развратъ, и имѣли бы чистоту душевную и братство и промышляли бы, какъ реклись, души свои положити за Пречистыя домъ и за чудотворцевъ и за вѣру, такъ бы и совершили; да и во всѣ города пишите, чтобъ изъ городовъ писали въ полки къ боярамъ и атаманьѣ, что отнюдь Маринкинъ (сынъ) ненадобенъ: проклятъ отъ святого собора и отъ насъ. *Да ты бы вамъ грамоты съ городовъ собрати къ себѣ въ Нижній-Новгородъ* да пересылати въ полки къ боярамъ и атаманьѣ; а прислати же прежнихъ, коихъ есте присылали, ко мнѣ съ совѣтными челобитными—*свіяженина Радіона Мосьева да Ратмана Пахомова*, а имъ бы въ полкахъ говорити безстрашно, что проклятый отнюдь не надобе; а хотя буде постраждете, и васъ въ томъ Богъ проститъ и разрѣшитъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ; а въ городы для грамотъ посылати ихъ же, а велѣти имъ *говорить моимъ словомъ*. А вамъ всѣмъ отъ насъ благословеніе и разрѣшеніе въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ, что стоите за вѣру неподвижно; а я долженъ за васъ Бога молити».

Эта послѣдняя грамота Гермогена представляетъ огромную важность для выясненія того, какъ онъ глядѣлъ на свою власть въ это наиболѣе смутное,—анархическое время, ужасное и для него лично. Когда правящіе классы или покинули власть на улицѣ, для присвоенія ея каждымъ желающимъ, или направляли ее въ гибельную для отечества сторону, какъ Мстиславскій, Салтыковъ, Андроновъ, Заруцкій и другіе, онъ не поколебался: не только направлялъ церковную власть въ государственныхъ интересахъ, отлучая отъ церкви враговъ государства, но и прямо принялъ на себя самыя важныя полномочія государственной власти, направляя, вопреки требованіямъ правительствующей думы, народъ, его сословія и военныя силы туда, гдѣ видѣлъ спасеніе вѣры и отечества.



Кремль въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Мало того: находясь въ рукахъ поляковъ и измѣнниковъ и ожидая съ часу на часъ мученической смерти, патріархъ, какъ бы великій государь того времени, считалъ себя въ правѣ передовѣрять свои чрезвычайныя государственныя полномочія не только епископамъ, но и архимандритамъ и игуменамъ, а также и боярамъ, дворянамъ, даже ополченіямъ и городскимъ мірамъ или общинамъ; онъ облекалъ государственною властію на такого свойства призывы безстрашныхъ людей, какъ Радіонъ свіяженинъ и Ратманъ Пахомовъ. Вотъ почему, когда въ подземельѣ Чудова монастыря замеръ голосъ патріарха, считали себя въ правѣ обращаться къ народу и преподобный Діонисій съ Авра-

Сергіева лавра.

аміемъ Палицынымъ и нижегородскій протопопъ Савва съ Мининымъ... Но, очевидно, все слагалось такъ, что Россія подпадетъ въ большей своей части подъ власть короля польскаго, какъ подпала западная и юго-западная Русь, и окатоличится и ополячится; другая же часть ея сдѣлается добычей шведовъ и утратитъ свое православіе и народность въ пользу лютеранства и нѣметчины.

Такимъ образомъ наступило самое тяжкое время для нашего отечества. Страшенъ былъ 1812 г., когда Наполеонъ I съ военными силами 20 народовъ Запада вторгся въ Россію. Но тогда у насъ былъ царь, войско, казна и много еще неразоренныхъ врагомъ областей. Не то было въ 1611 году. «И было

тогда,—говоритъ современное сказаніе,—такое лютое время Божія гнѣва, что люди и не чаяли впереди спасенія себѣ. Чуть не вся земля Русская запустѣла. И прозвали старики наши это лютое время лихолѣтьемъ... Великій гнѣвъ Божій на людяхъ — глады, моры, зябели на всякій плодъ земной. Звѣри пожирали живыхъ людей, и люди людей ѣли. Плѣненіе было великое людямъ. Жигимонтъ, польскій король, все Московское государство велѣлъ предать огню и мечу, ниспровергнулъ все благолѣпіе Русской земли».

Преподобный Діонисій.
(Съ древней иконы).

Въ малой картинѣ представлялась въ Троицкой лаврѣ въ 1611 и 1612 годахъ вся ужасная гибель Руси: по дорогамъ къ обители преподобнаго Сергія тянулись русскіе люди; на нихъ было страшно взглянуть: они были истомлены голодомъ и болѣзнями; шли израненные; у однихъ были руки отсѣчены, у другихъ глаза были вырваны изъ глазницъ, у третьихъ на спинѣ ремни изъ кожи были выкроены. Шли они къ Троицѣ не для того, чтобы утолить свой голодъ или вылѣчиться. Нѣтъ, русскіе люди умѣютъ безропотно умирать. Но для нихъ тяжко кончать жизнь безъ церковнаго напутствія и жутко остаться безъ христіанскаго погребенія. И вотъ они шли въ Троицкую лавру за могилой и крестомъ. Этимъ сотнямъ и тысячамъ приходившихъ сюда русскихъ людей могли ли ученики преподобнаго Сергія отказать въ пищѣ, одеждѣ и лѣченіи? Они помогали всѣмъ, чѣмъ могли, обративъ лавру въ столовыя для голодающихъ и больницы для недужныхъ, напутствовали св. тайнами умирающихъ, хоронили окончившихъ жизнь. Это неудивительно. Но вотъ что

является поразительнымъ, какъ иноки Сергіевой лавры, видя такое страшное погребальное,— голгоѳское шествіе Русскаго народа, не угасили въ себѣ въ эти дни мрачные, дни отчаянныхъ ужасовъ, надежды и вѣры въ возможность спасенія отечества, по всѣмъ признакамъ погибавшаго безвозвратно. Нѣтъ, у нихъ свѣща вѣры и надежды, такъ ярко зажженная патріархомъ Гермогеномъ, не погасла и свѣтомъ своимъ озарила и оживила погибавшую Русь. Когда голосъ Гермогена умолкъ подъ сводами Чудова монастыря, когда палъ мертвымъ послѣдній надежный защитникъ Руси, Прокопій Ляпуновъ, смиренный настоятель обители преподобнаго Сергія, св. Діонисій, вмѣстѣ съ Авраміемъ Палицынымъ, беретъ на себя государственную задачу и власть призвать Русскій народъ на послѣднюю вооруженную борьбу съ поляками и измѣнниками. Онъ посадилъ въ своихъ кельяхъ писцовъ скорыхъ писать грамоты, въ которыхъ именемъ Пресвятой Троицы и преподобнаго Сергія призывалъ всѣхъ русскихъ православныхъ людей на подвигъ спасенія отечества, молилъ служилыхъ и всѣхъ прочихъ людей быть въ соединеніи и сообща стать противъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ. «Помяните и смилуйтесь надъ видимою общею смертною погибелью, — говорили эти грамоты.—Пусть служилые люди безъ всякаго мѣшканья спѣшатъ къ Москвѣ, на сходъ къ боярамъ и воеводамъ и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Сами знаете, что всякому дѣлу одно время; безвременное же начинаніе суетно бываетъ; хотя бы и были въ вашихъ предѣлахъ какія неудовольствія, ради Бога отложите ихъ на время, чтобы вамъ сообща потрудиться для избавленія православной вѣры, пока ко врагамъ помощь не пришла. Смилуйтесь, сдѣлайте это поскорѣе»... Монахи, садясь на коней, развозили эти поразительно трогательныя грамоты обители преподобнаго Сергія; онѣ всюду читались въ храмахъ съ горячимъ и глубочайшимъ сочувствіемъ и поднимали поникнувшій духъ народа на святое дѣло послѣдней, смертной борьбы за вѣру и отечество.

Особенно яркій и сильный подъемъ патріотическаго одушевленія вызвали онѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Въ концѣ 1611 года привезена была такая грамота отъ Троицы въ эту столицу Поволжья. Въ непраздничный день зазвонили въ соборѣ въ большіе колокола, собрался народъ, и послѣ обѣдни Нижегородскій протопопъ Савва прочиталъ троицкую грамоту, сказалъ о гибели отечества отъ враговъ и призвалъ всѣхъ постоять за чистую и непорочную

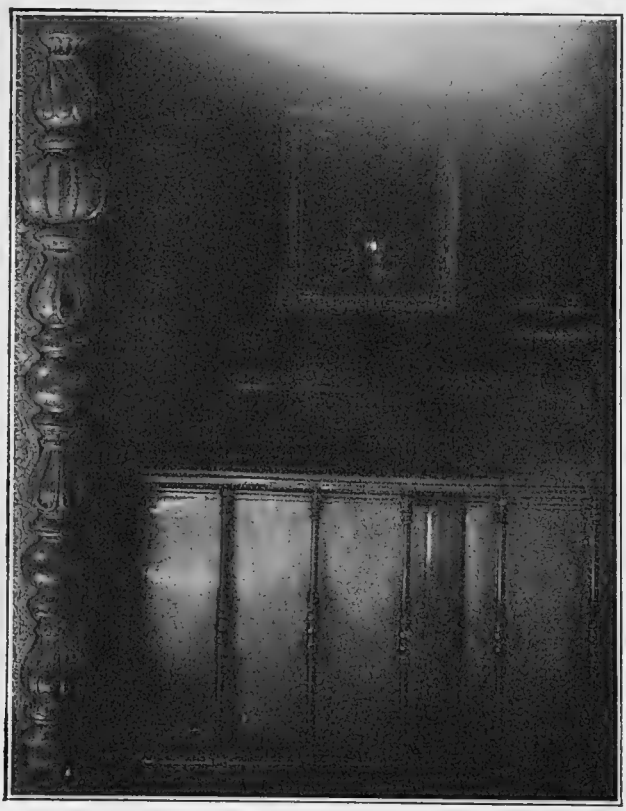
Христову вѣру, за всероссійскій соборъ Успенія Богородицы, за многоцѣлебныя мощи московскихъ чудотворцевъ. Народъ въ глубокомъ волненіи плакалъ, готовый послѣдовать святымъ призывамъ, и рѣшился отдать все до послѣдней капли крови.

Князь Пожарскій и Козьма Мининъ.
По *В. В. Верещагину.*

Когда всѣ выходили изъ Божьяго храма, народъ былъ остановленъ на площади простою, но сильною рѣчью торговаго человѣка, земскаго старосты Козьмы Захаровича Минина; онъ говорилъ: «Православные! Если хотимъ помочь Московскому государству, не пожалѣемъ ничего: дворы и дома свои продадимъ, заложимъ женъ и дѣтей, но соберемъ казну на ратныхъ людей. Станемъ бить челомъ и искать, кто бы вступился за истинную православную вѣру и сталъ бы у насъ начальникомъ. Дѣло великое совершимъ, если Богъ поможетъ. Только мы поднимемся, другіе города пристанутъ къ намъ, и всѣ избавимся отъ враговъ».

Благодатной рѣкой тутъ же полились пожертвованія и отъ бѣдныхъ и отъ богатыхъ. Одни отдавали все свое имущество, другіе—половину или треть; послѣдняя, по общему приговору, стала обязательной. Женщины снимали съ себя кольца и серьги и отдавали Минину. Нищіе отдавали послѣднія копейки.

Нижегородцы отправили посольство къ лѣчившемуся отъ ранъ, полученныхъ въ Москвѣ отъ поляковъ, въ помѣстьи



Гробница патріарха Гермогена въ Успенскомъ соборѣ.

Суздальскаго уѣзда, князю Д. М. Пожарскому, просить его въ начальники народнаго ополченія. Онъ отвѣчалъ, что радъ за православную вѣру страдать до смерти, и посовѣтовалъ для завѣдыванія казной избрать особое лицо и указалъ при этомъ на Минина. Все было исполнено.

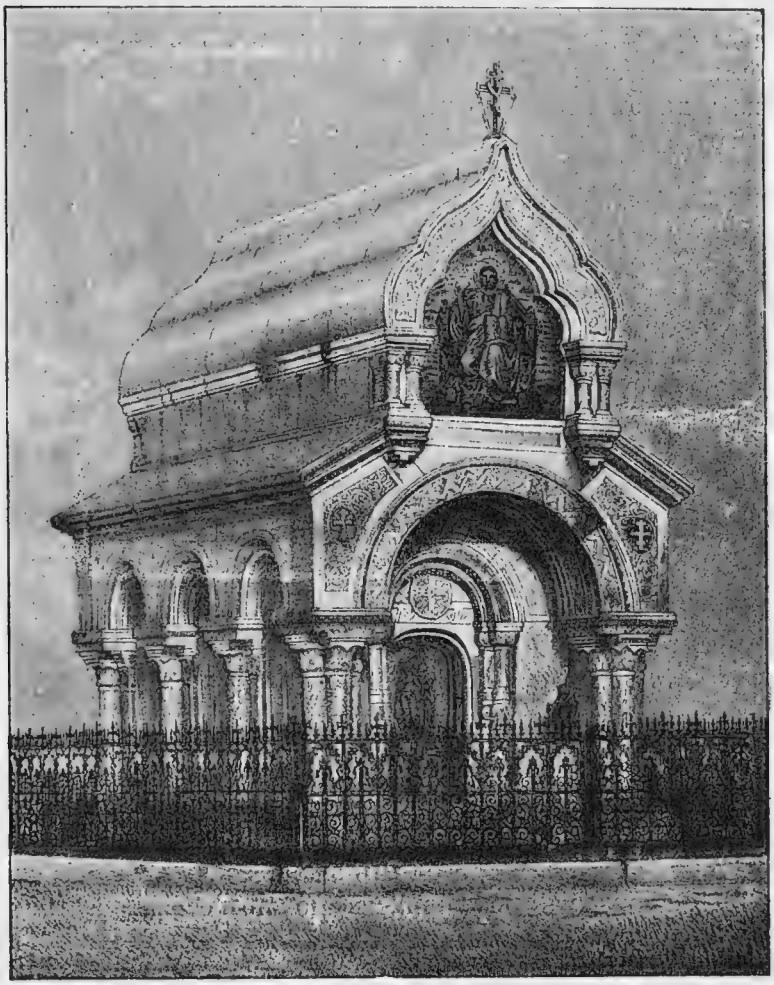
Дружно стали устраиваться въ разныхъ городахъ и уѣздахъ народныя ополченія и стекаться вмѣстѣ съ пожертвованіями въ Нижній-Новгородъ, отсюда они въ слѣдующемъ 1612 году двину-

лись къ Ярославлю. Всполошились въ Кремлѣ поляки, а подъ Москвой казаки. Первые опять, въ послѣдній уже разъ, приступили къ патріарху Гермогену, чтобы онъ написалъ увѣщаніе ополченіямъ оставаться вѣрными Владиславу. Но онъ сказалъ: «Да будетъ надъ ними милость Божія и отъ нашего смиренія благословеніе, а на измѣнниковъ да изліется гнѣвъ Божій, а отъ нашего смиренія да будутъ прокляты они въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ». Это были предсмертныя слова великаго старца: поляки перестали спускать хлѣбъ и воду въ подземелье и уморили голодомъ величайшаго изъ русскихъ патріотовъ. Такъ, 17 февраля 1612 г. окон-

Князь Пожарскій въ битвѣ подъ Москвой въ 1612 году.

чилъ свою святую жизнь этотъ священно-мученикъ. Современныя свидѣтельства называютъ его «противу враговъ крѣпкимъ и непобѣдимымъ стоятелемъ, твердымъ адамантомъ, непоколебимымъ столпомъ, сильнымъ поборникомъ по православной, истинно-христіанской вѣрѣ, новымъ ея исповѣдникомъ». Избавившись отъ него, враги задумали погубить и вождя народныхъ ополченій. Казаки Заруцкаго отправили убійцу въ Ярославль на князя Пожарскаго, онъ занесъ надъ нимъ ножъ, но, поранивъ одного стоявшаго близъ князя, промахнулся и не успѣлъ въ своемъ замыслѣ. Этотъ доблестный вождь народныхъ ополченій грамотами своими призывалъ въ 1612 году русскихъ людей на помощь отечеству: «Вамъ бы, помня Бога и свою православную

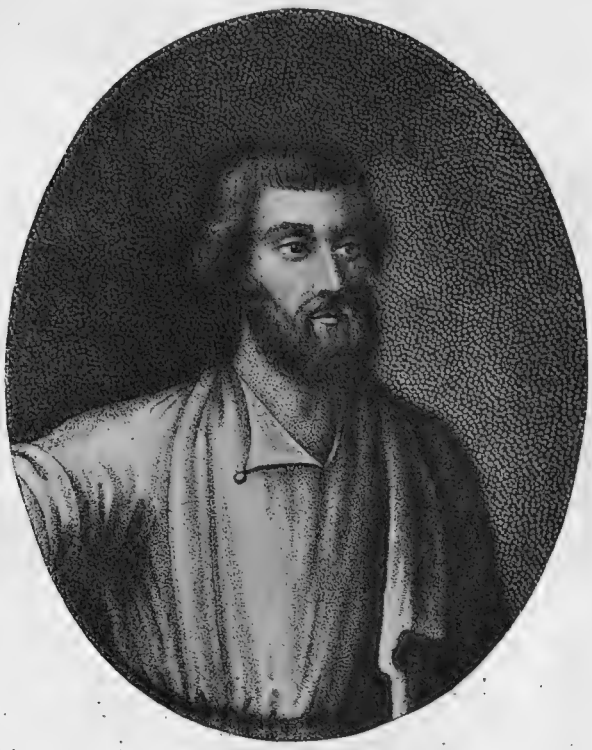
христіанскую вѣру,—писалъ онъ,—совѣтовать со всякими людьми общимъ совѣтомъ, какъ бы намъ въ нынѣшнее конечное разоренье быть не безгосударнымъ, чтобы намъ по совѣту всей земли выбрать сообща государя, кого Богъ милосердный дастъ, чтобы



Памятникъ надъ могилою князя Пожарскаго въ Суздалѣ

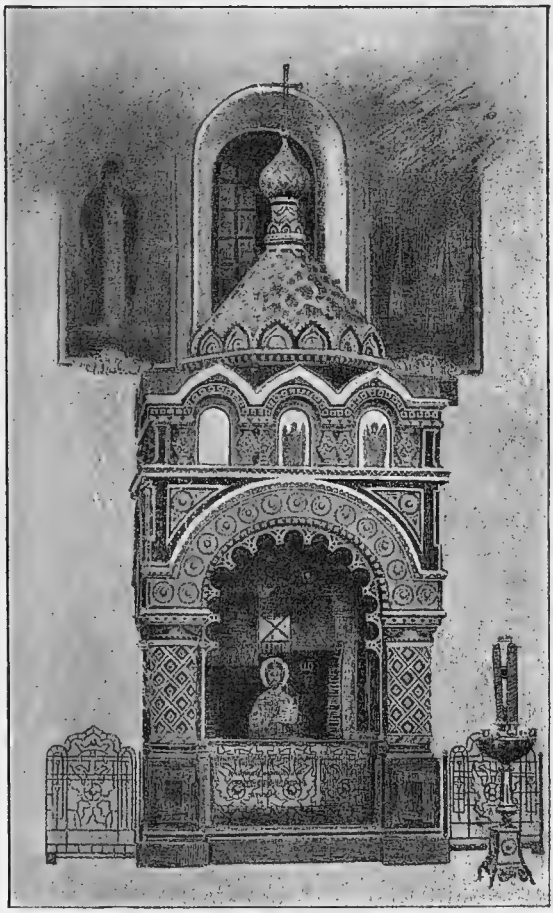
московское государство въ конецъ не разорилось бы. Сами вѣдаете, господа, какъ намъ стоять безъ государя противъ общихъ враговъ, польскихъ, литовскихъ и нѣмецкихъ людей и русскихъ воровъ... Какъ намъ безъ государя о великихъ госу-

дарственныхъ и земскихъ дѣлахъ съ окрестными государствами ссылаться»... Радостно встрѣтили у Троицы Пожарскаго и его сподвижниковъ. Заруцкій съ Мариной и ея сыномъ бѣжалъ на югъ, Трубецкой звалъ къ себѣ въ станъ народное ополченіе. Но оно не довѣряло прежнему тушинцу. Нужно было торопиться, потому что къ Москвѣ подходилъ панъ Хоткевичъ съ вспомогательными польскими отрядами. Народныя ополченія прибыли



Мининъ.
Съ рисунка для памятника, поставленнаго на Красной площади.

въ сожженную Москву въ двадцатыхъ числахъ августа 1612 года и прямо должны были сражаться съ поляками Хоткевича. Въ нѣсколькихъ битвахъ: у Арбатскихъ воротъ, у Крымскаго брода и за Москвою рѣкою они были къ 24 августа побиты. Хоткевичъ съ своими поляками ушелъ 25 августа, а польскій гарнизонъ былъ осажденъ. Сначала онъ былъ вытѣсненъ (въ сентябрѣ 1612 года) изъ Китай-города и принужденъ запереться въ Кремлѣ, гдѣ осажденные должны были, вслѣдствіе голода, ѣсть воронъ,



Гробница Минина въ Нижегородскомъ соборѣ.

галокъ, крысъ и даже питаться людскими трупами. Поляки, чтобы освободиться отъ лишнихъ ртовъ, выпустили изъ Кремля семьи бояръ и въ ихъ числѣ семью бояръ Романовыхъ съ юнымъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Истомленный голодомъ польскій гарнизонъ вынужденъ былъ, наконецъ, сдаться, 22 октября, въ день Казанской Богоматери, когда русскіе двинулись къ Кремлю на приступъ. 26 октября на Красной площади у Лобнаго мѣста сошлись два крестныхъ хода, одинъ съ иконой Владимірской Богоматери вышелъ изъ Кремля, другой съ иконой Казанской Богоматери шелъ изъ сожженной Москвы. Во главѣ послѣдняго находился преподобный Діонисій; встрѣча ихъ послѣдовала у Лобнаго мѣста на Красной площади.

Печать князя Пожарскаго.

Красная площадь.

II.

Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича и возстановленіе имъ Русскаго государства.

По очищеніи Москвы отъ поляковъ въ 1612 году, временное правительство, во главѣ коего стояли князья Пожарскій и Трубецкой, разослало грамоты по городамъ съ приглашеніемъ прислать властей и выборныхъ въ Москву «для великаго дѣла». Въ этихъ грамотахъ говорилось, что «Москва отъ польскихъ и литовскихъ людей очищена, церкви Божіи въ прежнюю лѣпоту облеклись, и Божіе имя славится въ нихъ попрежнему. Но безъ Государя Московскому государству стоять нельзя, печься о немъ и людьми Божіими промышлять некому; безъ Государя вдосталь Московское государство разорилось все: безъ Государя государство ничѣмъ не строится, и воровскими заводами на многія части раздѣляется, и воровство многое множится»; а потому бояре и воеводы приглашали, чтобъ всѣ духовныя власти были къ нимъ въ Москву; изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей торговыхъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей, поскольку человѣкъ пригоже,

Заглавный листъ рукописи XVII вѣка [1]).

для земскаго совѣта и государскаго избранія, всѣ города прислали бы въ Москву жъ, и чтобъ эти власти и выборные лучшіе люди договорились въ своихъ городахъ накрѣпко и взяли у всякихъ людей о государскомъ избраньи полные договоры. Когда,

[1]) Рукопись была составлена для царя Алексѣя Михайловича въ посольскомъ приказѣ и хранится въ Московскомъ архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ.

въ началѣ 1613 г., съѣхалось довольно много властей и выборныхъ, назначенъ былъ трехдневный постъ, послѣ котораго начались собранія Земскаго собора. Прежде всего стали разсуждать о томъ, выбирать ли изъ иноземныхъ королевскихъ домовъ или своего природнаго русскаго, и порѣшили «литовскаго и шведскаго короля и ихъ дѣтей и иныхъ нѣмецкихъ вѣръ и нѣкоторыхъ государствъ иноязычныхъ не христіанской вѣры—греческаго закона на владимірское и московское государство не избирать, а Маринки и сына ея на государство не хотѣть, потому что польскаго и нѣмецкаго короля видѣли на себѣ неправду и крестное преступленье и мирное нарушенье; литовскій же король Московское государство разорилъ, а шведскій король Великій Новгородъ взялъ обманомъ». Стали выбирать своихъ: тутъ начались волненія, всякій хотѣлъ по своей мысли дѣлать, всякій хотѣлъ своего, нѣкоторые хотѣли и сами престола, засылали; образовались стороны, но ни одна изъ нихъ не брала верху. Однажды, говоритъ лѣтопись, какой-то дворянинъ изъ Галича принесъ на соборъ письменное мнѣніе, въ которомъ говорилось, что ближе всѣхъ по родству съ прежними царями былъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, его и надобно избрать въ цари. Раздались голоса недовольныхъ: «кто принесъ такую грамоту, кто, откуда?» Въ то время выходитъ донской атаманъ и также подаетъ письменное мнѣніе. «Что это ты подалъ, атаманъ?» спросилъ его князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. «О природномъ царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ», отвѣчалъ атаманъ. Одинаковое мнѣніе, поданное дворяниномъ и донскимъ атаманомъ, довершило уже назрѣвшее рѣшеніе: Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ избранъ царемъ. Но еще не всѣ выборные находились въ Москвѣ; послали звать ихъ въ Москву для общаго дѣла; послали также надежныхъ людей по горо-

Михаилъ Ѳеодоровичъ.
Съ древняго портрета.

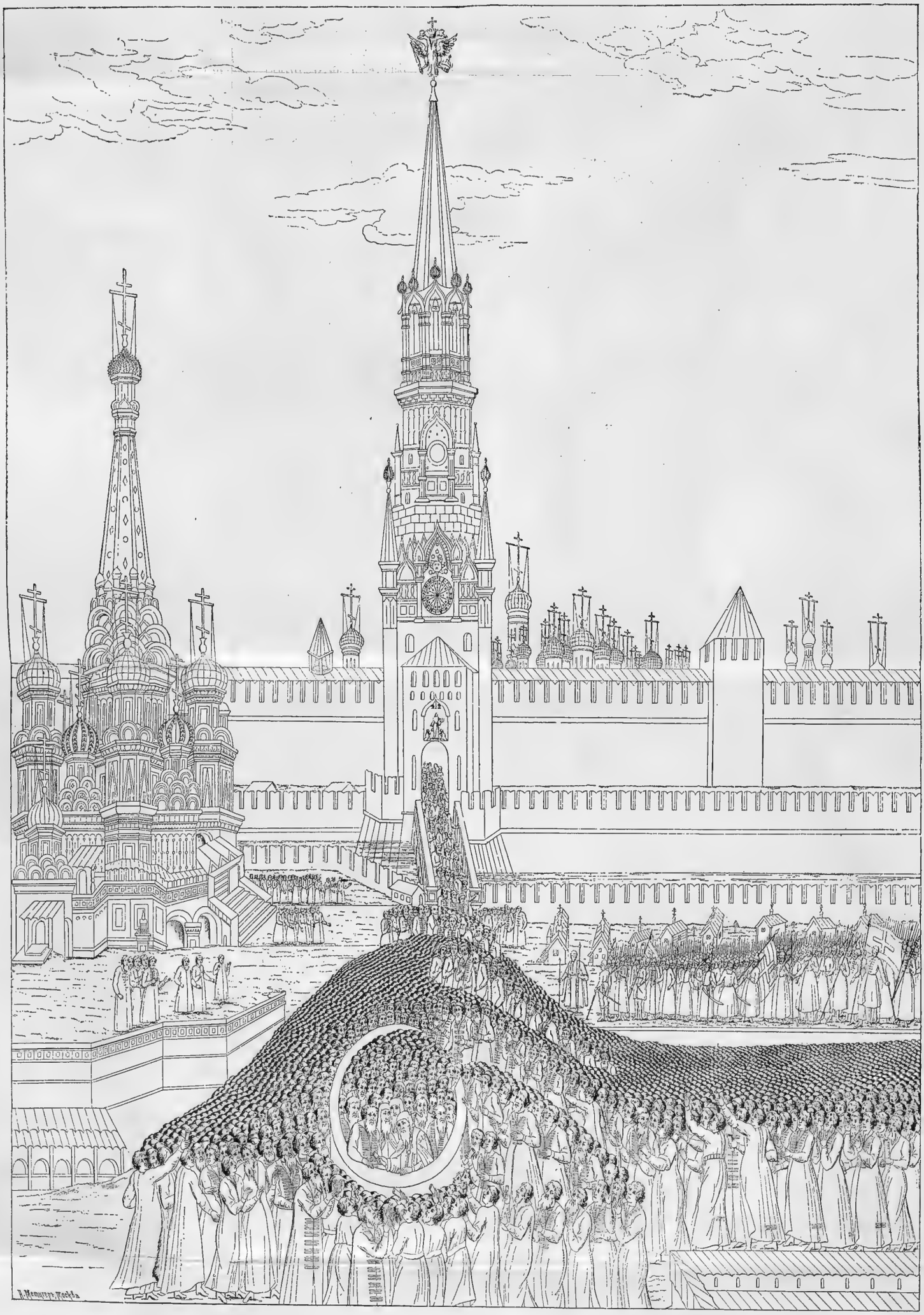
дамъ и уѣздамъ узнать мысль народа относительно новаго избранника, и окончательное рѣшеніе отложили на двѣ недѣли, отъ 8 до 21 февраля 1613 года. Наконецъ пріѣхали и запоздавшіе выборные, возвратились посланники изъ областей съ извѣстіемъ, что народъ съ радостію признаетъ Михаила Романова царемъ. 21 февраля, въ недѣлю православія, т.-е. въ первое воскресенье великаго поста, въ первопрестольномъ храмѣ Успенія происходилъ послѣдній соборъ: каждый чинъ подалъ письменное мнѣніе, и всѣ эти мнѣнія найдены сходными, всѣ чины указывали на одного человѣка—Михаила Ѳеодоровича Романова, «да будетъ онъ царемъ-государемъ». Тогда рязанскій архіепископъ Ѳеодоритъ, троицкій келарь Авраамій Палицынъ, новоспасскій архимандритъ Іосифъ и бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ взошли на Лобное мѣсто и спросили у народа, наполнявшаго Красную площадь, кого они хотятъ въ цари. «Михаила Ѳеодоровича Романова», былъ отвѣтъ.

Старинный родъ бояръ Романовыхъ, пришедшій въ Россію изъ Пруссіи въ XIII вѣкѣ, издавна славился своимъ незапятнаннымъ ничѣмъ благородствомъ и приблизился къ царскому престолу еще при Іоаннѣ IV, который взялъ себѣ изъ этого рода въ супруги дочь окольничаго и воеводы Романа Юрьевича (Захарьина)—Анастасію Романовну, оставившую по себѣ добрую память и въ исторіи и въ народѣ своимъ добрымъ вліяніемъ на этого перваго Русскаго царя. Ея братъ, бояринъ Никита Романовичъ,—ходатай за опальныхъ предъ Грознымъ государемъ—пріобрѣлъ такую славу въ народѣ, что сталъ предметомъ его пѣсенъ и, какъ дядя престолонаслѣдника Ѳеодора Іоанновича, былъ у послѣдняго сдѣланъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ членомъ верховной думы, вмѣстѣ съ княземъ Мстиславскимъ, Бѣльскимъ и Борисомъ Годуновымъ. Его сынъ Ѳеодоръ Никитичъ, какъ двоюродный братъ царя Ѳеодора Іоанновича, пользовался при немъ большимъ значеніемъ, которое поддерживалось его высокими личными, какъ душевными, такъ и тѣлесными, качествами. Онъ обладалъ большимъ природнымъ умомъ, который развилъ образованіемъ: въ молодости онъ не только усвоилъ тогдашнее славяно-русское образованіе, но и научился отъ проживавшихъ въ Москвѣ англичанъ латинскому языку, бывшему въ ту пору международнымъ языкомъ всей образованной Европы. Онъ былъ назначенъ намѣстникомъ въ Нижній-Новгородъ и былъ членомъ государевой думы. Высокій, стройный, красивый, привѣтливый, онъ выдѣлялся изъ бояръ своею царственной осанкой. Всегда прекрасно одѣтый, онъ заставлялъ любоваться собою народъ, особенно, когда сидѣлъ

верхомъ на конѣ. Преданіе говоритъ, что умиравшій бездѣтный царь Ѳеодоръ Іоанновичъ желалъ по смерти своей передать престолъ Ѳеодору Никитичу, но царская власть перешла къ шурину послѣдняго представителя дома св. Владиміра—Борису Годунову, который, видя въ родѣ Романовыхъ самыхъ сильныхъ соперниковъ себѣ и своей династіи, подвергъ всѣхъ ихъ тяжкимъ, но не заслуженнымъ гоненіямъ, которыя только возвысили значеніе Романовыхъ въ народѣ, окруживъ ихъ вѣнцомъ мученичества. Всѣ сыновья боярина Никиты Романовича были отправлены Годуновымъ въ тяжкое заточеніе. Александръ, Василій и Михаилъ Никитичи не пережили этой опалы. Лѣтописцы говорятъ, что Александра удавили у береговъ Бѣлаго моря. Василій и Иванъ были посланы въ Пелымъ, гдѣ первый умеръ отъ дурного обращенія съ нимъ приставовъ. Михаила Никитича держали въ земляной тюрьмѣ въ Ныробской области, близъ Чердыни. До сихъ поръ въ тамошней церкви показываютъ тяжелыя цѣпи, въ которыя былъ закованъ этотъ страстотерпецъ. Ѳеодора же Никитича насильно постригли въ монахи въ Сійскомъ монастырѣ подъ именемъ Филарета и держали подъ особо бдительнымъ надзоромъ. Жену его, Ксенію Іоанновну, изъ рода Шестовыхъ, постригли подъ именемъ Марѳы и сослали въ Зоопежье въ Егорьевскій погостъ, Толвуйской волости. Малолѣтній ихъ сынъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ, родившійся 12 іюля 1596 г., вмѣстѣ съ сестрою и теткою Анастасіей Никитичной, былъ сосланъ на Бѣлое озеро. Такое тяжелое дѣтство, безъ заботъ и ласки матери и отца, положило на всю жизнь будущаго царя оттѣнокъ грусти. Филаретъ Никитичъ,—какъ доносилъ Годунову приставъ Воейковъ,—сильно тосковалъ о семьѣ и говорилъ: «Милыя мои дѣтки, маленькія, бѣдныя, остаются—кто-то будетъ ихъ кормить, поить? А жена моя бѣдная жива ли? Чаю, гдѣ-нибудь туда ее заточили, что и слухъ не зайдетъ. Охъ, мнѣ лихо, что—жена и дѣти: какъ помянешь ихъ, такъ словно рогатиной въ сердце кольнетъ. Хоть бы ихъ раньше Богъ прибралъ!» Но Господь судилъ иначе.

Съ паденіемъ Годуновыхъ и воцареніемъ Лжедимитрія I участь оставшихся въ живыхъ Романовыхъ измѣнилась. Возвращенный изъ ссылки Иванъ Никитичъ былъ возведенъ въ санъ боярина, а отецъ будущаго государя Филаретъ Никитичъ былъ посвященъ въ митрополита Ростовскаго и въ согласіи съ патріархомъ Гермогеномъ стоялъ за царя Василія Іоанновича Шуйскаго. Онъ ѣздилъ въ Угличъ за мощами царевича Димитрія, а когда города одинъ за другимъ начали признавать царемъ ту-

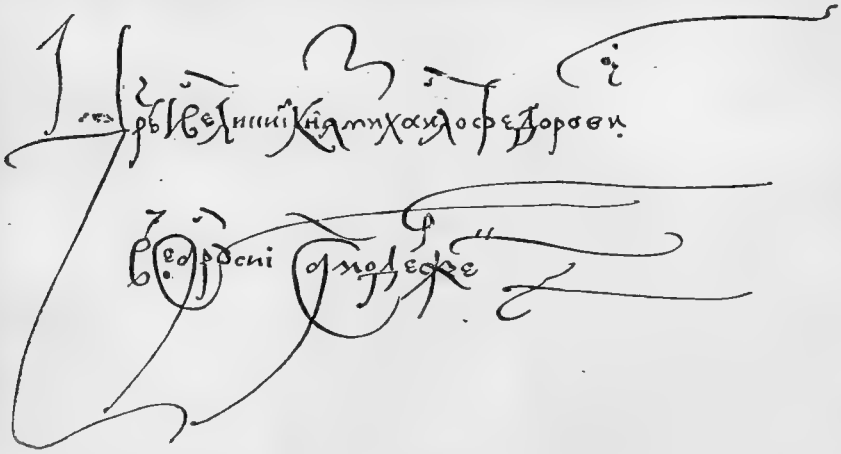
Боярин Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ. *По Рѣпину.*



Послы Земскаго собора спрашиваютъ народъ: кого онъ желаетъ видѣть на Русскомъ царствѣ? (Изъ книги XVII вѣка «Объ избраніи на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова».)

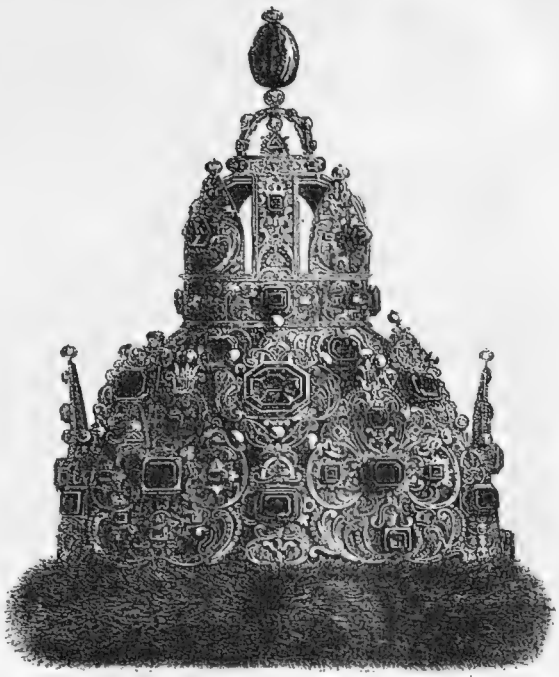
шинскаго вора, Филаретъ Никитичъ удерживалъ Ростовъ въ повиновеніи Шуйскому. Лжедимитрій II приказалъ, во чтобы то ни стало, привести митрополита въ свой станъ. 11 октября 1608 года переяславцы съ московскими людьми, присланными Сапѣгою изъ-подъ Троицы, напали врасплохъ на Ростовъ, Филаретъ Никитичъ облачился въ святительскія одежды и сталъ въ церкви съ народомъ. Когда же переяславцы ворвались въ храмъ, митрополитъ сталъ уговаривать ихъ не измѣнять законной присягѣ. Но тѣ не послушались, сорвали съ митрополита священныя одежды, надѣли на него сермягу и татарскую шапку и съ жестокимъ издѣвательствомъ отвезли этого «добраго страдальца за Русскую землю» въ Тушино, гдѣ самозванецъ принялъ его съ почетомъ и даже поставилъ патріархомъ, вмѣсто Гермогена.

«Филаретъ,—говоритъ Авраамій Палицынъ,—былъ разуменъ, не склонялся ни направо, ни налѣво». Находясь въ самозванческихъ рукахъ, онъ совершалъ у него церковныя службы. Тѣмъ не менѣе, строгій къ измѣнникамъ патріархъ Гермогенъ въ своихъ грамотахъ къ народу говорилъ, что Филаретъ не своею волею, а по нуждѣ находится въ Тушинѣ, что за это первосвятитель не порицаетъ его, а молитъ за него Бога. По распаденіи тушинскаго лагеря Филаретъ Никитичъ, какъ было уже говорено, отправленъ былъ изъ Москвы подъ Смоленскъ во главѣ ве-



Собственноручная подпись.

ликаго посольства къ королю Сигизмунду, гдѣ его мужественное единомыслiе съ Гермогеномъ и доблестный патрiотизмъ окружали въ глазахъ народа его личность еще новою славою радѣльца и страдальца за отечество. Намѣчавшiйся въ цари и Ѳеодоромъ Iоанновичемъ и самимъ народомъ онъ, какъ инокъ, не могъ уже взойти на престолъ, но, вопреки своимъ намѣренiямъ, невольно проложилъ путь къ царству своему сыну, который былъ избранъ народомъ, несмотря на свою юность и происки искателей престола.



Царскiй вѣнецъ Михаила Ѳеодоровича.

Провозгласивши царемъ шестнадцатилѣтняго Михаила Ѳеодоровича, земскiй соборъ, или великая земская дума, назначилъ ѣхать къ нему въ челобитчикахъ: Ѳеодориту архiепископу, съ троими архимандритами, троицкимъ келаремъ Авраамiемъ Палицынымъ, протопопами и боярами. Соборъ не зналъ подлинно, гдѣ находился въ это время Михаилъ, и въ наказѣ, данномъ посламъ, говорилось: «Ѣхать къ государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Руси въ Ярославль, или гдѣ онъ, государь, будетъ». Въ это время Михаилъ Ѳеодоровичъ съ матерью, инокиней Марѳой, жилъ въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ. Посланные, бивъ челомъ новоизбранному царю и его матери и увѣдомивъ ихъ объ избранiи, должны были говорить Михаилу: «Всякихъ чиновъ всякiе люди бьютъ челомъ, чтобъ тебѣ, великому государю, умилиться надъ остаткомъ рода христiанскаго, многорасхищенное православное христiанство Россiйскаго царства отъ расплѣненiя отъ польскихъ и литовскихъ людей собрать во единство, принять подъ свою государеву паству, подъ крѣпкую высокую свою десницу, всенароднаго слезнаго рыданiя не презрить, по изволенiю Божiю и по

избранію всѣхъ чиновъ людей, на владимірскомъ и на московскомъ государствѣ и на всѣхъ великихъ государствахъ Россійскаго царствія государемъ, царемъ и великимъ княземъ всея Руси быть, и пожаловать бы тебѣ, великому государю, ѣхать на свой царскій престолъ въ Москву и подать намъ благородствомъ своимъ избаву отъ всѣхъ находящихъ на насъ бѣдъ и скорбей, а какъ ты, государь, на своемъ царскомъ престолѣ будешь на Москвѣ, то, послыша про твой царскій приходъ, литовскіе люди и всѣ твои государевы недруги будутъ въ страхѣ, а Московскаго государства всякіе люди обрадуются. А какъ твой государевъ подвигъ въ Царствующій градъ будетъ, то изъ Москвы митрополитъ и архіепископы со всѣмъ освященнымъ соборомъ, бояре и всякіе люди встрѣтятъ тебя съ чудотворными иконами и животворящими крестами, по вашему царскому достоинству; и служить тебѣ, государю, и прямить и головы свои за тебя класть всѣ люди отъ мала до велика рады». Въ заключеніи наказа говорилось: „Если государь не пожалуетъ, станетъ отказывать, или начнетъ размышлять, то бить челомъ и умолять его всякими обычаями, чтобъ милость показалъ, былъ государемъ—царемъ и ѣхалъ въ Москву вскорѣ; такое великое Божіе дѣло сдѣлалось не отъ людей и не его государскимъ хотѣньемъ: Богъ учинилъ его государемъ. А если государь станетъ разсуждать объ отцѣ своемъ митрополитѣ Филаретѣ, что онъ теперь въ Литвѣ, и ему на Московскомъ государствѣ быть нельзя для того, чтобъ отцу его за то какого зла не сдѣлали; то бить челомъ и говорить, чтобъ онъ, государь, про то не размышлялъ: бояре и вся земля посылаютъ къ литовскому королю и за отца его даютъ на обмѣнъ литовскихъ многихъ лучшихъ людей».

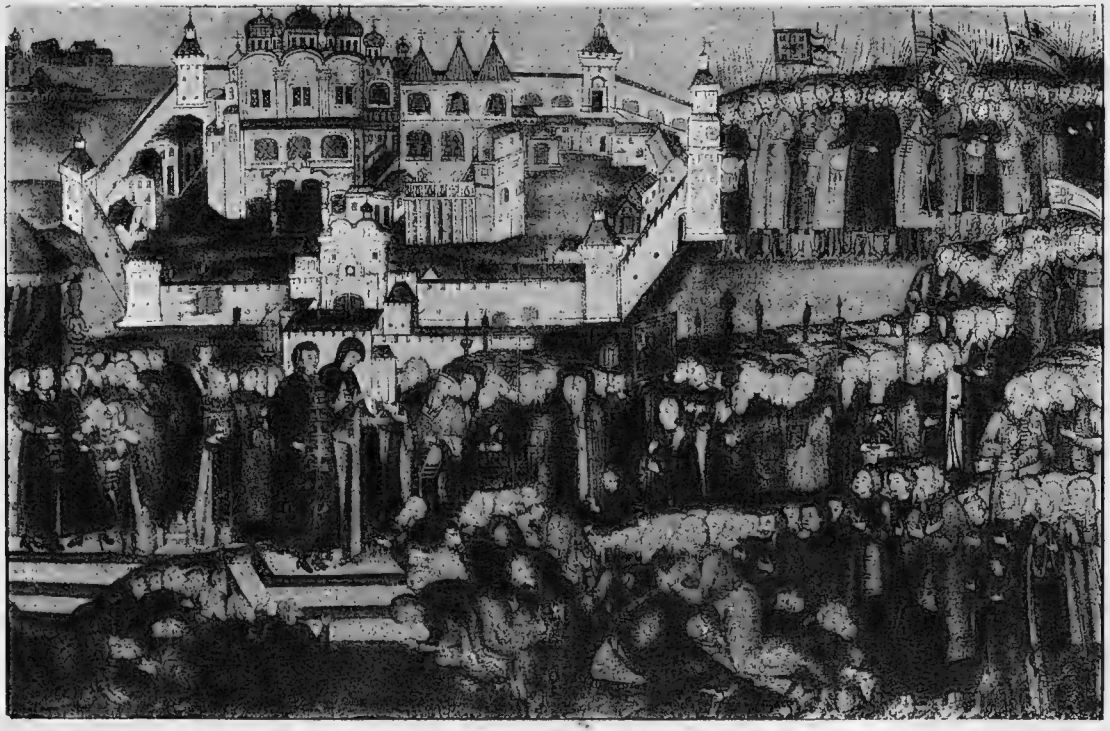
Послы выѣхали изъ Москвы 2 марта; но еще прежде, отъ 25 февраля, разосланы были грамоты по городамъ съ извѣстіемъ объ избраніи Михаила: «И вамъ бы, господа,—гласила грамота,—за государево многолѣтіе пѣть молебны и быть съ нами подъ однимъ кровомъ и державою и подъ высокою рукою христіанскаго государя, Царя Михаила Ѳеодоровича. А мы, всякіе люди Московскаго государства отъ мала, до велика, и изъ городовъ выборные и невыборные люди, всѣ обрадовались сердечною радостію, что у всѣхъ людей одна мысль въ сердце вмѣстилась—быть государемъ царемъ блаженной памяти великаго государя Ѳеодора Ивановича племяннику, Михаилу Ѳеодоровичу; Богъ его, государя, на такой великій царскій престолъ избралъ не по чьему-либо

заводу; избралъ его мимо всѣхъ людей, по Своей непзреченной милости; всѣмъ людямъ о его избраніи Богъ въ сердце вложилъ одну мысль и утвержденіе». Вмѣстѣ съ этимъ извѣстіемъ разослана была и крестоцѣловальная запись. Присяга областей послѣдовала быстро.

Наконецъ пришло извѣстіе отъ пословъ, которые нашли Михаила съ матерью въ Костромѣ, въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Послы доносили собору, что 13 марта они пріѣхали въ Кострому

Великая инокиня Марѳа Іоанновна, мать царя Михаила Ѳеодоровича.

въ вечерни, дали знать Михаилу о своемъ пріѣздѣ, и онъ велѣлъ имъ быть у себя на другой день. 14 числа, поднявши иконы, пошли всѣ крестнымъ ходомъ въ Ипатьевскій монастырь. Михаилъ съ матерью встрѣтили образа за монастыремъ, но когда послы объявили имъ, зачѣмъ присланы, то Михаилъ отвѣчалъ «съ великимъ гнѣвомъ и плачемъ», что онъ государемъ быть не хочетъ, а мать его Марѳа прибавила, что она не благословляетъ сына на царство; и оба долго не хотѣли войти за крестами въ



Михаилъ Осодоровичъ и его мать предъ посольствомъ у Ипатьевскаго монастыря.
Изъ „Книги объ избраніи на царство“ и проч.

соборную церковь: насилу послы могли упросить ихъ: Въ церкви послы подали Михаилу и матери его грамоты и говорили рѣчи по наказу, на что получили прежній отвѣтъ: Марѳа говорила, что «у сына ея и въ мысляхъ нѣтъ на такихъ великихъ преславныхъ государствахъ быть государемъ; онъ не въ совершенныхъ лѣтахъ, а Московскаго государства всякихъ чиновъ люди

Святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ.
(По Титулярнику).

по грѣхамъ измалодушествовались; давъ свои души прежнимъ государямъ, не прямо служили». Марѳа упомянула объ измѣнѣ Годунову, убійствѣ Лжедимитрія, сведеніи съ престола и выдачѣ полякамъ Шуйскаго; потомъ продолжала: «видя такія прежнимъ государямъ крестопреступленія, позоръ, убійства и поруганія, какъ быть на Московскомъ государствѣ и прирожденному государю государемъ? Да и потому еще нельзя: Московское государство отъ польскихъ и литовскихъ людей и непостоянствомъ рус-

скихъ людей разорилось до конца; прежнія сокровища царскія, изъ давнихъ лѣтъ собранныя, литовскіе люди вывезли; дворцовыя села, черныя волости, пригородки и посады розданы въ помѣстья дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и всякимъ служилымъ людямъ и запустошены, а служилые люди бѣдны; и кому повелитъ Богъ быть царемъ, то чѣмъ ему служилыхъ людей жаловать, свои государевы обиходы полнить и противъ своихъ недруговъ стоять?» Потомъ Марѳа Іоанновна продолжала: «Что быть ему на государствѣ, а ей благословить его на государство— только на гибель; кромѣ того, отецъ его митрополитъ Филаретъ теперь у короля на Литвѣ въ большомъ утѣсненьи, и какъ свѣдаетъ король, что на Московскомъ государствѣ учинился сынъ его, то сейчасъ же велитъ сдѣлать надъ нимъ какое-нибудь зло; а ему, Михаилу, безъ благословенья отца своего, на Московскомъ государствѣ никакъ быть нельзя». Послы со слезами молили и били челомъ Михаилу, чтобъ соборнаго моленья и челобитья не презрилъ: выбрали его по изволенію Божію, а не по его желанью: положилъ Богъ единомышленно въ сердца всѣхъ православныхъ христіанъ отъ мала до велика на Москвѣ и во всѣхъ городахъ. А прежніе государи — царь Борисъ сѣлъ на государство своимъ хотѣньемъ, изведши государскій корень—царевича Димитрія; началъ дѣлать многія неправды, и Богъ ему мстилъ кровь царевича Димитрія богоотступникомъ Гришкою

Скипетръ Михаила Ѳеодоровича.

Навершье.

Оконечность

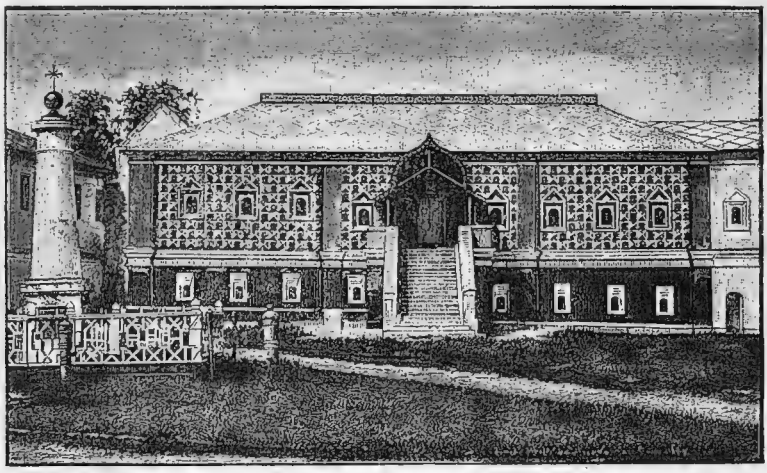
Отрепьевымъ; воръ Гришка-разстрига по своимъ дѣламъ отъ Бога месть принялъ, злою смертью умеръ; а царя Василья выбрали на государство немногіе люди, и, по вражью дѣйству, многіе города ему служить не захотѣли и отъ московскаго государства отложились; все это дѣлалось волею Божіею да всѣхъ православныхъ христіанъ грѣхомъ; во всѣхъ людяхъ Московскаго государства была рознь и междоусобіе. А теперь Московскаго государства люди наказались всѣ и пришли въ соединеніе во всѣхъ городахъ». Послы молили и били челомъ Михаилу и матери его съ третьяго часа дня до девятаго, говорили, чтобъ

Ипатьевскій монастырь.

онъ воли Божіей не снималъ, былъ на Московскомъ государствѣ государемъ. Михаилъ все не соглашался; тогда послы стали грозить ему, что Богъ взыщетъ на немъ конечное разоренье государства; подъ дѣйствіемъ такихъ чрезвычайныхъ убѣжденій Михаилъ и Марѳа сказали, что они во всемъ полагаются на праведныя и непостижимыя судьбы Божіи; и мать благословила сына, Михаилъ принялъ царскій посохъ отъ архіепископа, допустилъ всѣхъ къ рукѣ и сказалъ, что поѣдетъ въ Москву скоро.

Слова Ѳеодорита съ товарищами, что Михаилу нечего было бояться участи своихъ предшественниковъ, потому что люди Московскаго государства наказались и пришли въ соединеніе — были вполнѣ справедливы. Страшнымъ опытомъ научились наши предки, что значитъ рознь и шатость, развязывающія руки во-

рамъ. Лучшіе люди имѣли столько нравственной силы, что могли воспользоваться наказаніемъ, встали, соединились, очистили государство, и будутъ въ состояніи крѣпко сомкнуться вокругъ новаго государя и грудью и всѣми силами отстаивать его, несмотря на отсутствіе матеріальныхъ средствъ. До какой степени въ лучшихъ людяхъ 1613 года крѣпко было убѣжденіе, что должно пожертвовать всѣмъ для поддержанія и охраненія новаго царя, призваннаго возстановить государственный нарядъ, показывалъ всего лучше подвигъ Сусанина. Когда Михаилъ, выѣхавши изъ Москвы, послѣ сдачи Кремля, жилъ въ Костромѣ, отрядъ поляковъ (какъ говоритъ грамота), узнавши объ избраніи новаго

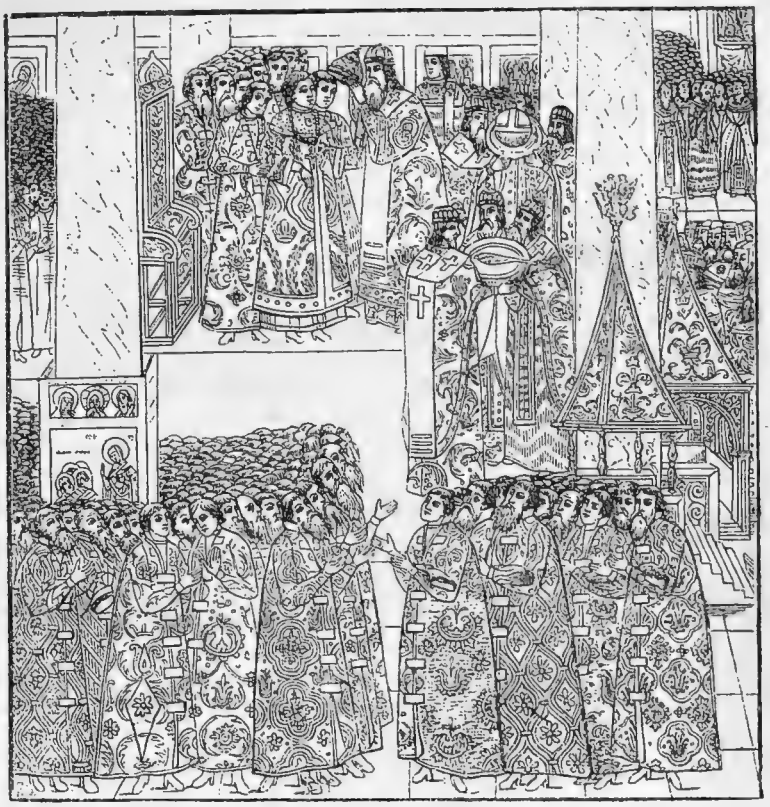


Романовскія палаты въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

царя, отыскивалъ его мѣстопребываніе, съ цѣлью умертвить нежеланнаго имъ возстановителя Русскаго государства; въ этихъ поискахъ враги схватили крестьянина Ивана Сусанина изъ села Домнина, принадлежавшаго Романовымъ, и начали пытать его страшными пытками, вымучивая показаніе, гдѣ скрывался Михаилъ. Сусанинъ зналъ, что онъ въ Костромѣ, но не сказалъ, завелъ ихъ въ дремучій лѣсъ и былъ замученъ до-смерти, но и враги погибли тамъ отъ лютаго мороза.

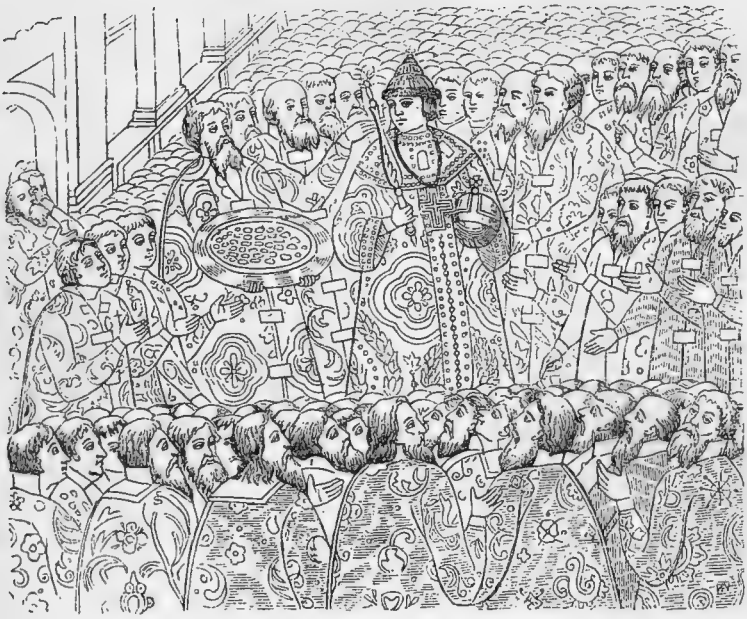
19 марта выѣхалъ Михаилъ Ѳеодоровичъ изъ Костромы въ Ярославль. Послѣ недолгаго его пребыванія въ обители преподобнаго Сергія, 2 мая Москва торжественно и восторженно встрѣтила юнаго царя, а 11 іюля въ Успенскомъ соборѣ происходило его вѣнчаніе на царство. Священнодѣйствіе было совершено по тому

же уставу, по какому оно было совершено надъ послѣднимъ представителемъ угасшей царской династіи — Ѳеодоромъ Іоанновичемъ. Сперва предъ литургіей торжественно были принесены въ Успенскій соборъ шапка и бармы Мономаха, скипетръ и держава. Затѣмъ состоялся выходъ государя изъ Золотой палаты въ соборъ. Предъ началомъ литургіи на него былъ возложенъ



Вѣнчаніе на царство Михаила Ѳеодоровича въ Успенскомъ соборѣ.

царскій вѣнецъ, бармы и животворящій крестъ. Предъ причащеніемъ было совершено священное миропомазаніе изъ того сосуда, который нѣкогда принадлежалъ императору Августу и изъ котораго донынѣ помазываются на царство наши государи. Затѣмъ Богомъ вѣнчанный и помазанный царь пріобщался тѣла и крови Христовыхъ. Знаки царскаго достоинства держали въ соборѣ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ и князья Мстиславскій и Трубецкой.



Выходъ царя изъ Успенскаго собора.

Передъ тѣмъ, какъ итти въ соборъ на коронованіе, сказано было боярство двоимъ стольникамъ: родственнику царскому князю И. Б. Черкасскому и вождю-освободителю князю Д. М. Пожарскому; 12 іюля, въ день именинъ государя, пожалованъ былъ въ думные дворяне Козьма Мининъ. Милостей и льготъ народу государь не могъ дать: казна была совсѣмъ пуста.

Приводимъ въ фотографическомъ воспроизведеніи утвержденную (подписями) грамоту объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича и ради трудности разбирать ее даемъ ея начало и конецъ въ типографскомъ. Вся средина грамоты содержитъ короткое обозрѣніе всей Русской исторіи по царствованіямъ.

Вотъ начало грамоты:

Грамота, утвержденная о избраніи на Россійскій престолъ Царемъ и Самодержцемъ Михаила Ѳеодоровича Романова-Юрьевыхъ за подписаніемъ бывшихъ при выборѣ всякаго чина и званія людей—писано 1613 года въ маіѣ мѣсяцѣ.

Великаго Господа Бога Отца, страшнаго, и всесильнаго и вся содержащаго, пребывающаго во свѣтѣ непреступнемъ, въ превеличей, и превысочайшей, и велѣлѣпной и святей славѣ вели-

чествия Своего, сѣдящаго на престолѣ херувимстемъ съ Превѣчнымъ Единороднымъ Своимъ Сыномъ, Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ, и съ Божественнымъ и животворящимъ Своимъ Духомъ, имъ же вся священаютса, единосушныя и нераздѣльныя Троицы, равно Божественныя, и равно честныя, и равно сопрестольныя и равно сильныя, и равно совѣтныя и равно дѣйственныя, и равно сущныя, и соприсносущныя, и собезначальные, и единоначальные, и трисоставные, и нераздѣльные, въ тріехъ ипоставехъ единаго Божества, Царя царствующихъ и Господа Господьствующимъ, непреодолѣннаго и всякие силы крепчайшаго, имъ же Царіе царствуютъ и велицыи величаютца, сего въ Троицѣ приснославимаго Бога нашего недоумеваемыми и недовѣдомыми судбами и неизреченнымъ премудрымъ промысломъ всяко созданье отъ небытия въ бытие создаваетца, и отъ не сущихъ въ существо приводитца, и отъ рода въ родъ лѣтами исчитаютца; отъ Него-жъ приимша земля наша Русская своими Государи обладаема быти, ихъ же Великихъ Государей Царей Россійскихъ, корень изыде отъ превысочайшаго цесарскаго престола, и прекрасно цвѣтущаго и пресвѣтлаго кореии, Августа Кесаря, обладающаго всею вселенною. Первый князь великій Рюрикъ содержаше скипетръ великаго Россійскаго государства въ Великомъ Новѣграде»...

Михаилъ Ѳеодоровичъ.
Съ древняго портрета..

Послѣ изложенія Русской исторіи до избранія на царство Михаила Ѳеодоровича говорится: «Кто похочетъ мимо Государя Царя и Великаго князя Михаила Федоровича, всея Руси Самодержца и его дѣтей, которыхъ имъ Государемъ впредь Богъ дастъ, искати и хотѣти иного Государя изъ какихъ людей не-

буди, или какое лихо хто похочетъ учинити: и намъ боярамъ, и окольничимъ, и дворянамъ, и приказнымъ людямъ, и гостемъ, и детемъ боярскимъ и всякимъ людемъ на того измѣнника стояти всею землею за одинъ. Также намъ, Великаго Государя нашего, Царя и Великаго Князя Михаила Федоровича всеа Русіи всему синклиту, бояромъ, и окольничимъ, и княземъ, и воеводамъ, и дворянамъ, и приказнымъ людемъ, не по отечеству и не по своему достоинству, свыше своего отечества и службы, мимо царскаго повелѣнья, чести себѣ никакой не хотѣти и не искати; и вотчины и помѣстья держати по своей мѣрѣ, чѣмъ кого Государь пожалуетъ; и быти въ Государскихъ дѣлехъ и во всякихъ чиновныхъ людехъ несупротивну быти, какъ кому Государь, Царь и Великій Князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи, на своей Государевой службѣ и у всякаго дѣла, гдѣ кому быти велитъ, такъ тому и быти...»

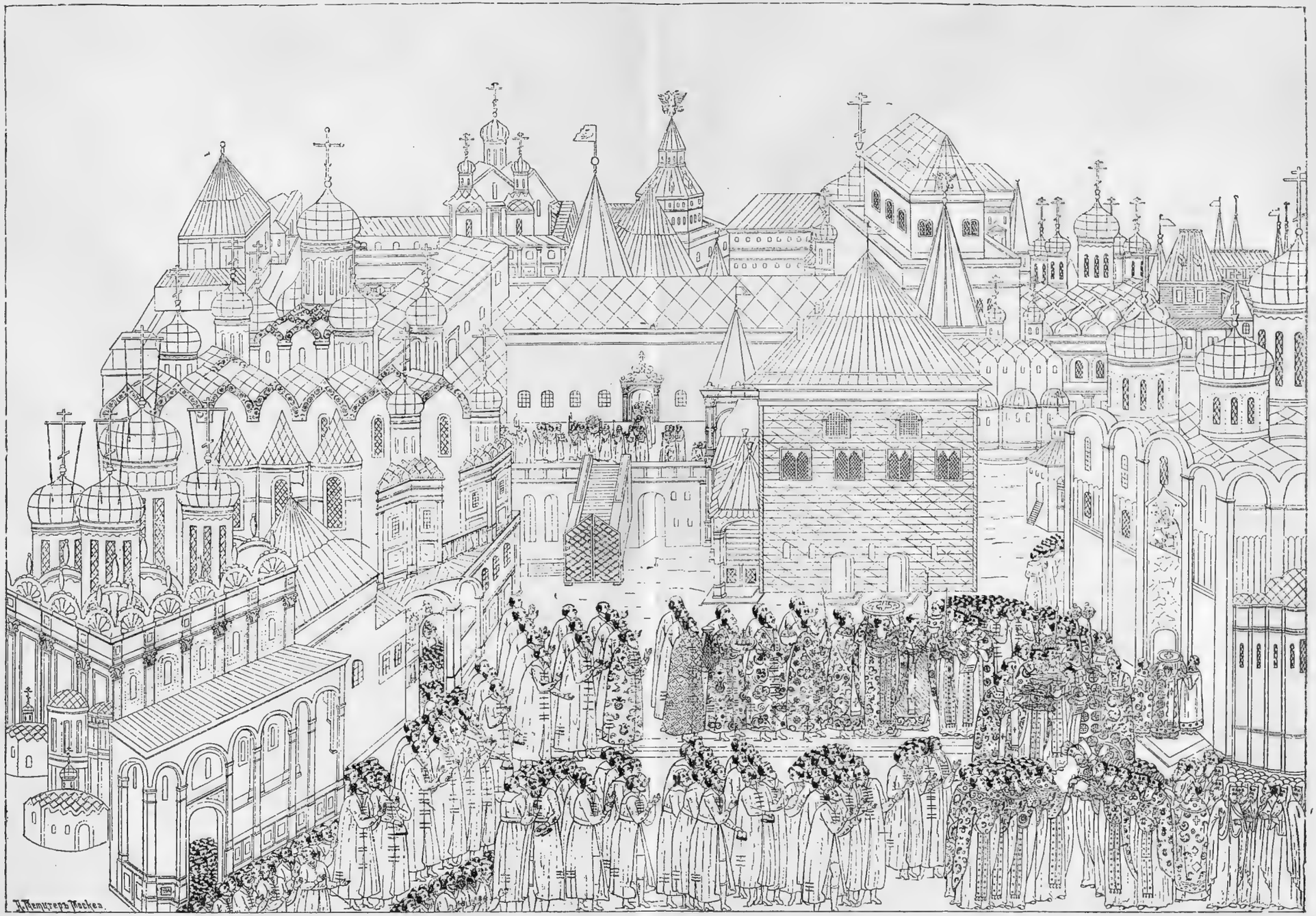
Въ своемъ заключеніи грамота гласитъ:

«А кто убо и не похощетъ послушати сего соборного уложенія, его же Богъ благоизволи, и начнетъ глаголати ино и молву въ людехъ чинити: таковый, аще отъ священнаго чину, и отъ боляръ, царскихъ синклитъ и воинственныхъ, или инъ хто отъ простыхъ людей и въ какомъ чину ни буди, по священнымъ правиломъ Святыхъ Апостолъ, и Вселенскихъ седми соборовъ, Святыхъ Отецъ и помѣстныхъ, и по соборному уложенью всего освященнаго собора, чину своего изверженъ будетъ, и отъ церкви Божіи отлученъ... А на соборѣ были Московскаго государства и изо всѣхъ городовъ Российского царствия власти, и митрополиты, и архиепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, и протопопы и весь освященныи соборъ, и боляре, и окольничие, и чашники, и стольники, и стряпчие, и думные дворяне и дьяки, и жильцы, и дворяне большие и дворяне изъ городовъ, и дьяки изъ приказовъ и головы стрѣлецкие и всякие приказные и дворовые люди и гости и сотники стрелецкие, и атаманы казачьи, и стрѣльцы, и казаки, и торговые и посацкие, всякихъ чиновъ всякие служилые и жилецкие люди, и изо всехъ городовъ всего Российскаго царствия выборные люди, которые присланы съ выборы за всякихъ людей руками о государскомъ обиранье. А уложено бысть и написана сия утвержденная грамота за руками и за печатми Великого Государя нашего Царя и Великаго Князя Михайла Федоровича всеа Русіи Самодержца, въ царствующемъ граде Москвѣ, въ первое лѣто царства его, а отъ созданія міру ҂ѕрк҃а-го, а индикта а҃і-го, месяца маия.

Необходимо глубже всмотрѣться въ это возстановленіе на Руси государства самимъ народомъ. Поляки, какъ сказано выше, въ періодъ междуцарствія, выхваляли москвичамъ свой западный видъ монархіи съ политическими вольностями, съ ограниченной властью короля-государя, не могшаго ничего рѣшать безъ сейма. Но уже тогда русскіе люди указывали, что они желаютъ себѣ,

Держава царя Михаила Ѳеодоровича.

по завѣтамъ своей исторіи, такого царя, который, какъ Богъ, караетъ и милуетъ, который не даетъ въ обиду слабаго сильнымъ, и назвали польскую вольность своеволіемъ, при которой слишкомъ трудно найти слабому правосудіе надъ тѣми, кто въ Польшѣ творили безчинства и всякое насиліе надъ людьми меньшими. Значитъ, русскій народъ не хотѣлъ монархіи по западнымъ образцамъ. Отказываясь отъ польскихъ вольностей Рѣчи Посполитой, или республики, какъ называли поляки свое



Дворцы въ Кремлѣ и выходъ съ царскими регаліями въ Успенскій соборъ. (Изъ книги «Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича»).

государство, русскій народъ, при возсозданіи своего государства, не думалъ и о вольностяхъ новгородскихъ, при которыхъ власть государя, по особымъ рядамъ или договорамъ, была ограничена вѣчемъ, или народнымъ собраніемъ съ выборнымъ посадникомъ, тысяцкимъ и старостами новгородскихъ концовъ. Онъ помнилъ, какими буйными усобицами ознаменовала себя эта новгородская вольность. Равнымъ образомъ, при избраніи государемъ Михаила Ѳеодоровича никто не говорилъ объ ограниченіи его верховной государевой власти думой боярской, какъ было при Василіи Іоанновичѣ Шуйскомъ, котораго народъ называлъ только полуцаремъ и считалъ невольнымъ и связаннымъ въ своихъ царскихъ дѣйствіяхъ. Не было рѣчи и о такихъ ограниченіяхъ, какія были сдѣланы и при избраніи Владислава. Нѣтъ, русскіе люди ни о чемъ подобномъ и думать не хотѣли. Они возстановили государство въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно создано было тяжкимъ трудомъ Русской исторіи, въ видѣ царства самодержавнаго. Народъ никогда не вспоминалъ, что Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ имъ избранъ на царство и почиталъ его царемъ прирожденнымъ, царемъ Божіею Милостію, а не волею народа... Когда шведскіе послы сказали русскимъ: «что ихъ король прирожденный государь, а Михаилъ Ѳеодоровичъ—не царскій сынъ», наши послы сказали: «вы такія непригожія, воровскія слова про Помазаника Божія оставьте... Богъ избиралъ царей славныхъ и не отъ царскаго корня».

Изъ исторіи царствованія Михаила Ѳеодоровича мы видимъ, какъ важно государству съ распутія и смуты вступить на свой историческій путь, на стезю твердаго государственнаго порядка. Государь, въ 17 лѣтъ возложившій на себя шапку и бармы Мономаха, конечно, не обладалъ ни правительственною опытностью Годунова, ни волей и умомъ своего внука Петра I, а государство получилъ въ полномъ разореніи. Но онъ, идя правымъ путемъ, скоро привелъ его въ порядокъ, въ прежнее его положеніе. Дѣйствительно, положеніе государства въ началѣ царствованія его было крайне печально. Государственная казна не то что была пуста, а просто не существовала: нечѣмъ было не только жаловать служилыхъ людей, но и нечѣмъ было отстроить кремлевскіе дворцы, которые стояли безъ крышъ и оконъ. Приходилось немногихъ людей достатка просить въ грамотахъ о помощи государству, приходилось отъ Англіи принять денежное пособіе заимообразно. Земля до того обезлюдѣла, что иностранные послы, проѣзжая сотни верстъ, встрѣчали деревни, села и города съ

домами, наполненными трупами; въ нихъ нельзя было отъ трупнаго запаха пріютиться на ночлегъ, и приходилось ночевать въ полѣ. Слишкомъ мало было на Руси всякихъ средствъ для государственныхъ нуждъ, но враговъ было безъ конца; въ Астрахани сидѣлъ Заруцкій съ сыномъ самозванца, которыхъ поддерживали и турки, и персы, и русскіе инородцы. Внутри государства все грабили и разоряли шайки разнаго сорта воровъ и разбойниковъ, изъ которыхъ особенно выдѣлялись ватаги атамана Баловня. Вдоль и поперекъ крестилъ Русь, дѣлая переходы по сту верстъ въ сутки, неутомимый польскій наѣздникъ Лисовскій. На сѣверѣ Россіи хозяйничали шведы, уже захватившіе Новгородъ и другіе города, а ихъ король Густавъ-Адольфъ осаждалъ Псковъ. Бѣлоруссію и Сѣверскія области занимали поляки; ихъ королевичъ Владиславъ грозилъ юному Михаилу отнять у него врученный ему скипетръ. Но прошло пять лѣтъ съ 1613 года по 1618, когда царю Михаилу Ѳеодоровичу было всего только 21 годъ, а Русь нельзя было узнать. Заруцкій, спасаясь отъ преслѣдованія царскаго воеводы князя Одоевскаго, бѣжалъ изъ Астрахани на Уралъ, здѣсь былъ выданъ государевымъ людямъ и казненъ съ сыномъ Марины. Внутреннія шайки успѣшно преслѣдовалъ князь Лыковъ. Баловень былъ захваченъ и повѣшенъ. Князь Д. М. Пожарскій преслѣдовалъ Лисовскаго, но не настигалъ его и тяжко заболѣлъ. По счастію, этотъ вредный для Россіи человѣкъ скоро умеръ въ Литвѣ. Отъ шведовъ мы потерпѣли неудачу: князь Трубецкой былъ разбитъ ими подъ Бронницами. Но при посредствѣ Голландіи и Англіи былъ заключенъ съ ними въ 1617 г. въ Столбовѣ, близъ Тихвина, миръ, по коему шведы возвратили намъ Новгородъ и другіе города,

Царица Евдокія Лукинишна (Стрешнева).

хотя и взяли себѣ наше Финское побережье съ городами Орѣшкомъ (Шлиссельбургъ), Иваномъ-городомъ, Ямомъ и Копорьемъ. Шведскій король Густавъ-Адольфъ, придавая большое значеніе тому, что мы были оттѣснены отъ Балтійскаго моря, хвалился передъ сеймомъ, что шведовъ отдѣляютъ теперь отъ Россіи 30 миль болотъ, озера и Финскій заливъ, и долго русскимъ не придется перескочить черезъ этотъ ручеекъ. Но онъ ошибся: внукъ Михаила Ѳеодоровича Петръ I отнялъ отъ шведовъ это исконное достояніе Россіи и здѣсь 200 лѣтъ тому назадъ прорубилъ окно въ Западную Европу, основавъ свой Петербургъ.

Торопились заключеніемъ мира съ Швеціей потому, что предстояла тяжелая война съ Польшей. Владиславъ двинулся противъ Россіи, объявляя себя ея царемъ, но города не сдавались полякамъ, оставаясь вѣрными своему Русскому государю, а выборные люди, созванные въ Москву на соборъ, поклялись «не щадить головъ своихъ за православную вѣру и своего царя». Поддержанный малороссійскимъ гетманомъ Конашевичемъ-Сагайдачнымъ, Владиславъ подошелъ къ самой Москвѣ и, расположившись станомъ въ Тушинѣ, грамотами требовалъ сдачи Москвы, именуя себя царемъ московскимъ; русскіе люди затерли дегтемъ этотъ титулъ, возвратили грамоту назадъ и отбили приступы Владислава къ Москвѣ. Онъ было пытался овладѣть Троицкой лаврой, но и здѣсь потерпѣлъ неудачу и въ 1618 году заключилъ въ селѣ Деулинѣ перемиріе на 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ. Русскіе должны были уступить Польшѣ Смоленскъ и Сѣверскую область и заплатили ей 20.000 руб. Владиславъ не отказался отъ правъ своихъ на московскій престолъ и согласился только на размѣнъ плѣнныхъ. На этомъ основаніи возвращенъ былъ къ радости царя и народа доблестный страдалецъ за Русскую землю — отецъ государевъ, митрополитъ Филаретъ Никитичъ Романовъ.

Послѣ смерти патріарха Гермогена, въ ожиданіи возвращенія изъ польскаго плѣна Филарета Никитича, намѣренно не замѣщали патріаршій престолъ. Возвращеніе его сопровождалось торжественными церковно-народными встрѣчами въ попутныхъ городахъ. Царь выѣхалъ къ отцу на край Москвы, на рѣчку Прѣсню. Оба пали другъ предъ другомъ на землю. Одинъ чествовалъ въ юномъ сынѣ царя, другой—своего родителя. Народъ, видя это, плакалъ въ умиленіи. Филаретъ Никитичъ возведенъ былъ въ Успенскомъ соборѣ въ санъ патріарха іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ. Какъ отецъ государя, мужъ сильнаго ума,

крѣпкой воли и многотруднаго опыта, онъ сталъ соправителемъ сыну и пользовался титуломъ «великаго государя». Всѣ грамоты писались отъ имени двоихъ государей: «Великій Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Руси и Святѣйшій патріархъ и великій государь приказали» и т. д. Всѣ посольства представлялись или обоимъ государямъ вмѣстѣ, или каждому отдѣльно. Важнѣйшіе доклады представляли тому и другому. Но это двоевластіе нисколько не нарушало единства правительственной дѣятельности. Филаретъ Никитичъ еще болѣе укрѣпилъ значеніе самодержавной власти своего сына. Вѣроятно, не безъ его вліянія царь, нерѣдко собиравшій выборныхъ людей на земскіе соборы, отмѣнилъ, однако, въ областномъ управленіи участіе выборныхъ людей, излюбленныхъ головъ, земскихъ и губныхъ старостъ и сосредоточилъ мѣстную власть въ рукахъ воеводъ. Для опредѣленія податей, пошлинъ и другихъ повинностей установлена была перепись населенія, при посредствѣ писцовъ и дозорщиковъ, въ такъ называемыхъ писцовыхъ книгахъ. Патріархъ Филаретъ завелъ въ Чудовомъ монастырѣ греко-латинскую школу и заботился объ исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ. Царь нанялъ нѣсколько иностранныхъ полковъ, сталъ въ Россіи пользоваться новымъ иностраннымъ военнымъ строемъ и заботился о насажденіи у насъ фабрично-заводскихъ производствъ. Такъ, при помощи иностранцевъ, у насъ были заведены желѣзодѣлательные, стекольные, кожаные и кирпичные заводы. Выстроилъ на Никольской улицѣ, ради поднятія упавшаго книжнаго дѣла, сгорѣвшую типографію. Государь положилъ начало развитію у насъ фруктоваго, цвѣточнаго и аптекарскаго садоводства. Въ кремлевскихъ дворцовыхъ садахъ появляются новыя для Москвы растенія, между прочимъ, заграничныя розы. Нѣмецкая слобода въ Москвѣ разрослась. Въ ней было до 1.000 семействъ только протестантскихъ исповѣданій. Вообще подъ скипетромъ Михаила Ѳеодоровича Романова Россія стала быстро оправляться и крѣпнуть.

Деулинское перемиріе истекало, а наши отношенія къ Польшѣ продолжали быть враждебными, потому что королевичъ Владиславъ все еще не отказывался отъ Русской короны; и нельзя было забыть перехода коренныхъ Русскихъ областей во власть поляковъ. Поэтому царь заранѣе сталъ готовиться къ войнѣ съ Польшей: собиралъ ратныхъ людей, закупалъ за границей пушки и другое оружіе, нанималъ иностранцевъ—солдатъ и офицеровъ.

Когда въ 1632 году умеръ король Сигизмундъ, и въ Польшѣ началось междуцарствіе съ избирательными раздорами, московское правительство объявило войну полякамъ; наши войска, подъ начальствомъ знаменитаго защитника Смоленска въ пору междуцарствія, боярина Шеина, двинулись на западъ. Сначала наши дѣла пошли очень удачно: у поляковъ были отняты нѣкоторые русскіе города и крѣпко осажденъ Смоленскъ. Но избранный въ короли Владиславъ съ большимъ войскомъ расположился станомъ подъ Смоленскомъ и подкрѣпилъ его гарнизонъ. Въ это время крымскіе татары напали на южныя области, и много ратныхъ людей ушло изъ русскаго стана для защиты своихъ земель. Шеинъ былъ крайне стѣсненъ; среди наемныхъ иностранцевъ начались раздоры; поляки захватили Дорогобужъ со складомъ провіанта; въ русскомъ станѣ начались голодъ и страшныя болѣзни. Доведенный до крайности Шеинъ началъ переговоры. Поляки согласились выпустить его съ условіемъ, что онъ выдастъ имъ свою артиллерію, отпуститъ иностранцевъ и преклонитъ знамена предъ поляками. Шеинъ былъ за это преданъ суду, обвиненъ въ измѣнѣ (несправедливо) и казненъ. Истинная причина этого заключалась въ его высокомѣріи и презрительномъ отношеніи къ товарищамъ. Къ счастію, поляки, угрожаемые турками, заключили миръ на рѣкѣ Поляновкѣ на условіяхъ— признать Михаила Ѳеодоровича царемъ и подтвержденія Деулинскаго перемирія. Въ это время привезенъ былъ изъ Варшавы гробъ бывшаго царя Василія Ивановича Шуйскаго и поставленъ въ Архангельскомъ соборѣ.

Въ это время казаки едва не вовлекли Россію въ большую войну съ турками. Донскіе казаки, жившіе въ предѣлахъ Московскаго государства, какъ и запорожцы, сидѣвшіе въ принадлежавшемъ Польшѣ приднѣпровьѣ, почти не признавали надъ собою ничьей власти и дѣйствовали по своему произволу. Въ 1618 году донцы захватили и изрубили въ своемъ кругу турецкаго посланника и съ помощью запорожцевъ захватили принадлежавшій туркамъ Азовъ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ прислалъ имъ строгую грамоту, въ которой говорилъ, что нигдѣ не ведется побивать пословъ, и осуждалъ ихъ за взятіе Азова безъ царскаго повелѣнія. Какъ бы ни выгодно было владѣть намъ Азовомъ, особенно для удержанія крымскихъ татаръ отъ постоянныхъ набѣговъ на русскіе предѣлы, царь увѣдомилъ султана, что казаки самовольно захватили городъ, и просилъ его не имѣть нелюбья противъ Россіи. Но въ 1641 году, освободившись

Михаилъ Ѳеодоровичъ въ концѣ царствованія.

отъ войны съ персами, турки послали на русскіе предѣлы крымцевъ, а сами съ двухсоттысячнымъ войскомъ, на корабляхъ и съ сильной артиллеріей, осадили Азовъ. Пятнадцатитысячная горсть донцовъ съ нѣсколькими сотнями женъ и тысячью запорожцевъ проявили невѣроятное, но обычное для русскихъ людей геройство: они отбили 24 турецкихъ приступа, истребили 20 тысячъ турокъ и черезъ полгода заставили турокъ снять осаду и возвратиться во-свояси, а сами послали къ царю бить челомъ, чтобы онъ взялъ Азовъ подъ свою высокую руку. Побѣдителей, да особенно такихъ, не судятъ. Государь прислалъ

казакамъ свою милостивую грамоту съ жалованьемъ и говорилъ имъ: «Мы васъ за вашу службу, радѣнье, промыслъ и крѣпкостоятельство милостиво похваляемъ». Но, воздавъ имъ должное за ихъ геройство, царь не могъ взять Азовъ подъ свою руку, потому что это вело къ громадной войнѣ съ турками, трудной впослѣдствіи и для Петра I. Созваны были въ Москву выборные люди на земскій соборъ для рѣшенія вопроса: «Государю-царю за Азовъ съ турецкимъ султаномъ и крымскимъ ханомъ разрывать ли и Азовъ у казаковъ принимать ли? Если принять, то войны не миновать; и ратные люди надобны будутъ многіе; на жалованье и запасы деньги надобны многія и не на одинъ годъ. И такія великія деньги и многіе запасы гдѣ брать?»

Опрошенныя на собраніи сословія отвѣчали въ существѣ дѣла: «Какъ рѣшитъ государь, пусть такъ и будетъ; всѣ готовы по его слову жертвовать всѣмъ, даже и жизнью».

Духовенство, напр., отвѣчало, что о ратномъ дѣлѣ слѣдуетъ разсуждать царю да боярамъ, а имъ, духовнымъ лицамъ, все это — не за обычай; ихъ же дѣло Бога молить, а помогать ратнымъ людямъ они готовы по мѣрѣ силъ. Служилые люди прямо говорили, что Азовъ взять слѣдуетъ... Стрѣлецкіе головы отвѣчали, что во всемъ воля государева, а они, холопы его, служить рады и готовы, гдѣ государь ни укажетъ. Безпомѣстные, пустомѣстные и мелкомѣстные указывали, что имъ нужно жалованье для отбыванія службы. Другіе, не скрывая своего разоренья отъ разныхъ неурядицъ въ государствѣ, выражали, однако, готовность на свою службишку противъ недруговъ государевыхъ. Даже торговые люди, сославшись на плохіе торжишки, перехватываемые иноземцами и кизылбашами (восточные человѣки), заявляли, что «рады своими головами служить и за здоровье царское и за православную вѣру помереть». Выслушавъ такіе отвѣты, отдававшіе въ существѣ дѣла все на волю государя, Михаилъ Ѳеодоровичъ далъ приказаніе казакамъ оставить Азовъ, а тѣ не оставили здѣсь туркамъ камня на камнѣ. Но казаки подготовили путь сюда Петру I.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ скончался 12 іюня 1645 года, послѣ тридцатидвухлѣтняго царствованія, не достигнувъ еще пятидесятилѣтняго возраста и оставивъ престолъ 16-лѣтнему сыну Алексѣю Михайловичу. Предъ самою смертью Михаилъ Ѳеодоровичъ призвалъ царицу, сына съ его воспитателемъ бояриномъ Морозовымъ и патріарха. Простившись со всѣми, онъ благословилъ сына на царство и сказалъ Морозову: «тебѣ, на-

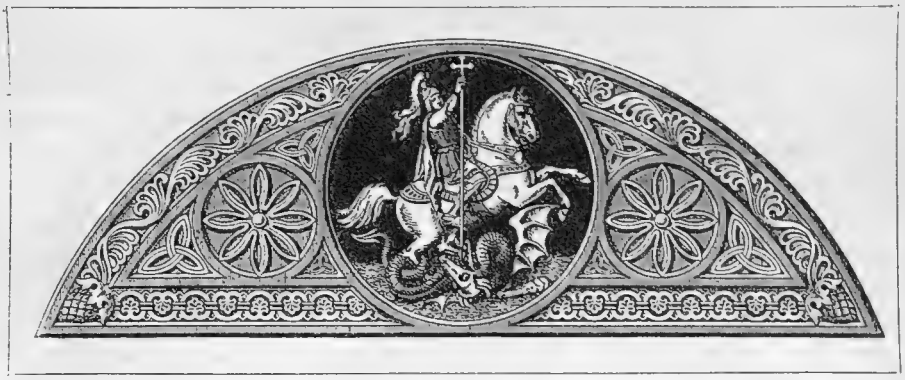
Тронъ Михаила Ѳеодоровича.

шему боярину, приказываю сына и со слезами говорю: какъ намъ ты работалъ съ великимъ веселіемъ и радостію, оставя домъ, имѣніе и покой, пекся объ его здоровьѣ и поученіи страху Божію, и соблюдалъ его, какъ зѣницу ока, такъ и теперь служи». Ночью, причастившись св. Таинъ, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ скончался.

Древніе римляне, народъ глубоко государственный, въ память спасенія своего государства отъ гибели, назвали одного изъ своихъ героевъ (Камилла) вторымъ основателемъ Рима, а другого (Марія)—третьимъ основателемъ. Мы съ бо̀льшимъ правомъ можемъ назвать царя Михаила Ѳеодоровича вторымъ основателемъ

Русскаго государства и нашей Москвы. Дѣло въ томъ, что онъ принялъ и Русское государство и нашу Москву разрушенными до основанія. Ему принадлежитъ великая слава за то, что онъ вновь создалъ Русское государство и основалъ новую національную династію, которая довела Россію до нынѣшняго императорскаго могущества и величія, и лежавшую въ развалинахъ Москву передалъ своему сыну царю Алексѣю Михайловичу опять въ видѣ огромнаго и красиваго города, которому дивились пріѣзжавшіе иностранцы.

Печать царя Михаила Ѳеодоровича.



III.

Михаилъ Ѳеодоровичъ, какъ второй основатель Москвы [1]).

Юный царь Михаилъ Ѳеодоровичъ долженъ былъ одновременно съ самаго основанія возстанавливать разрушенныя до тла и Русское государство и его столицу Москву.

Чтобы судить о возсозданіи древне-престольной столицы, достаточно сопоставить то, чѣмъ явилась она въ 1612 году предъ народными ополченіями князя Пожарскаго, съ тѣмъ, что говорятъ о ней иностранцы во второй половинѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича. Прибывшій черезъ двадцать лѣтъ, по его вступленіи на престолъ, голштинецъ Олеарій уже нашелъ ее большимъ и цвѣтущимъ городомъ, не носившимъ слѣдовъ страшной «разрухи». Между тѣмъ въ 1612 году совершилось истребленіе огнемъ, по меньшей мѣрѣ, трехъ четвертей города; уцѣлѣли только Кремль и Китай-городъ; а три концентрическихъ круга, или пояса, Москвы погибли; выжжены были: Бѣлый-городъ, затѣмъ охватывавшій его деревянный городъ, или «Скородомъ», и, наконецъ, болѣе широкій поясъ окружавшихъ Москву слободъ. Погибло и Замоскворѣчье.

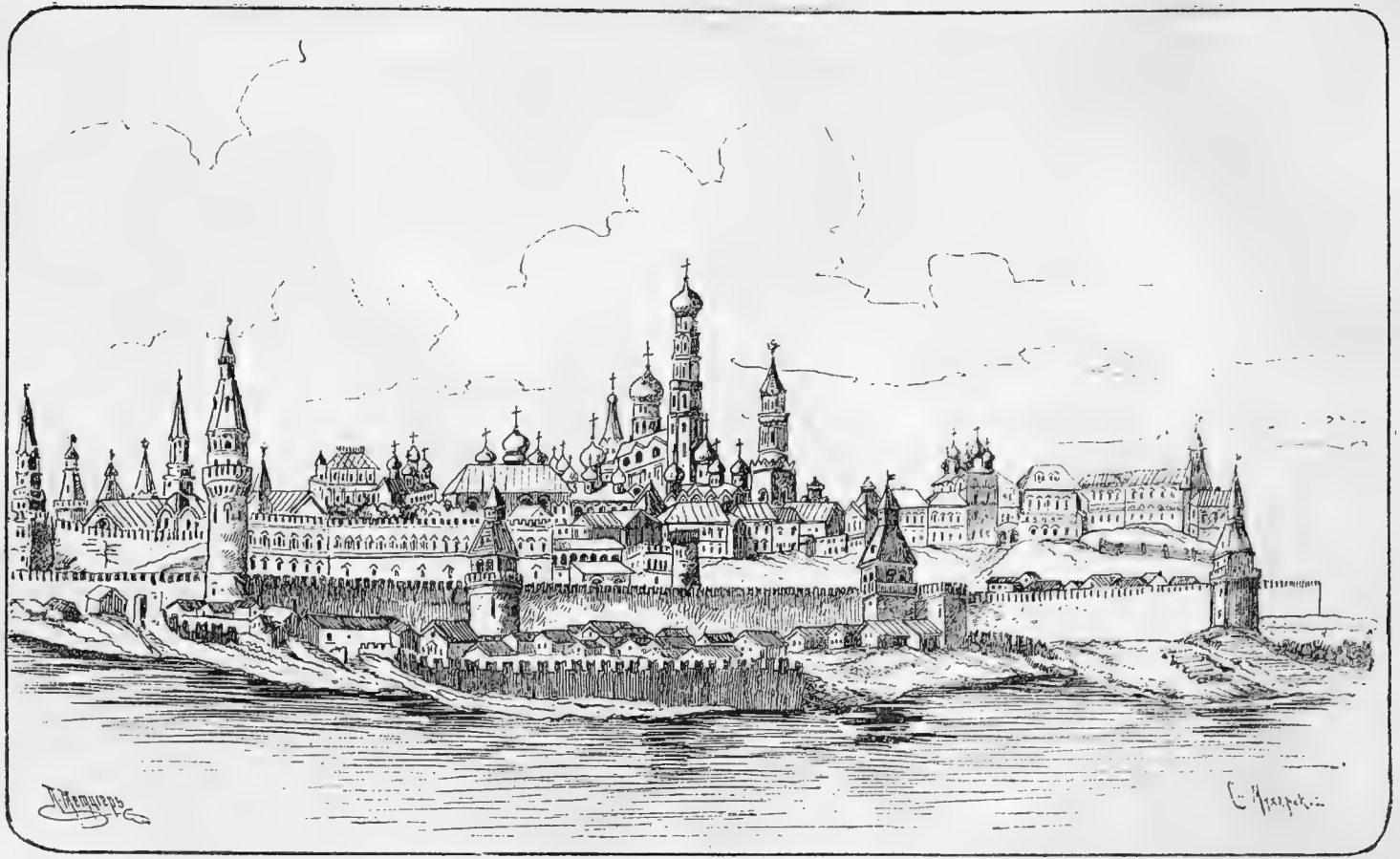
Трудно установить, что представляли Китай-городъ и Кремль предъ приходомъ сюда князя Пожарскаго. Что и говорить о первомъ, если во второмъ «всѣ царскія палаты и хоромы стояли безъ кровель, безъ половъ, безъ окошекъ и дверей, такъ

1) См. книгу: *В. В. Назаревскій. Изъ Исторіи Москвы (1147 — 1703). Очерки.* Съ 212 рисунками. Москва. 1896.

что молодому царю негдѣ было поселиться» (Дворц. Разряды. Т. I, стр. 1154). Михаилъ Ѳеодоровичъ, съ пути своего въ Москву, писалъ боярамъ, чтобы они приготовили для него палату царицы Ирины съ мастерскими палатами и сѣнями, а для его матери деревянныя хоромы супруги Василія Шуйскаго; бояре отвѣчали, что «приготовили для государя только комнаты царя Ивана да Грановитую палату, а для матери его—хоромы въ Вознесенскомъ монастырѣ; тѣхъ же хоромъ, что государь приказалъ, скоро отстроить нельзя, да и нечѣмъ: денегъ въ казнѣ нѣтъ и плотниковъ мало; палаты и хоромы всѣ — безъ крышъ, половъ, лавокъ; дверей и окошекъ нѣтъ, надобно дѣлать все новое, а лѣсу пригоднаго скоро не добыть». Но Михаилъ Ѳеодоровичъ не удовлетворился этимъ отвѣтомъ и вновь въ концѣ апрѣля настойчиво писалъ боярамъ: «По прежнему и по этому нашему указу, велите устроить намъ Золотую палату царицы Ирины, а матери нашей—хоромы царицы Маѳы; если лѣсу нѣтъ, то велите строить изъ брусяныхъ хоромъ царя Василія. Вы писали намъ, что для матери нашей изготовили хоромы въ Вознесенскомъ монастырѣ, въ этихъ хоромахъ жить матери нашей не годится»...

Кипучая дѣятельность, по очищенію Россіи отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, по возстановленію разрушеннаго государства, по исцѣленію въ народѣ язвъ, произведенныхъ въ немъ временемъ смуты, нѣтъ сомнѣнія, сильно задерживала возстановленіе Москвы, какъ города, но также несомнѣнно, что и этотъ процессъ совершался съ необыкновенной энергіей и быстротой. Воскресшій и олицетворившійся въ молодомъ государѣ духъ народа, какъ сила пластическая, поразительно скоро создалъ себѣ скорлупу или оболочку въ Москвѣ, возстановленной, въ главныхъ чертахъ, въ томъ же національно-своеобразномъ видѣ, въ какомъ она существовала при послѣднемъ представителѣ прекратившейся династіи св. Владиміра—царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ. Отвлеченные болѣе важными явленіями, современники Михаила Ѳеодоровича мало даютъ намъ свѣдѣній объ его строительной дѣятельности въ Москвѣ. Но она была несравненно обширнѣе того, что говорятъ о ней современныя свидѣтельства. Сынъ родоначальника династіи Романовыхъ, царь Алексѣй Михайловичъ принялъ отъ своего отца Москву уже возстановленную и хорошо обстроенную, такъ что ему на долю выпало только украшеніе ея и умноженіе здѣсь второстепенныхъ уже сооруженій.

Такимъ образомъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ: 1) выстроился вновь круговой поясъ разрушенныхъ московскихъ слободъ,



Кремль въ XVII вѣкѣ, по иностранной гравюрѣ.

2) полукругъ «Скородома» и Замоскворѣчье; деревянныя стѣны перваго были замѣнены земляным валомъ съ башнями; 3) возстановленъ съ каменными стѣнами Бѣлый-городъ; 4) обстроенъ Китай-городъ и 5) реставрированъ Кремль.

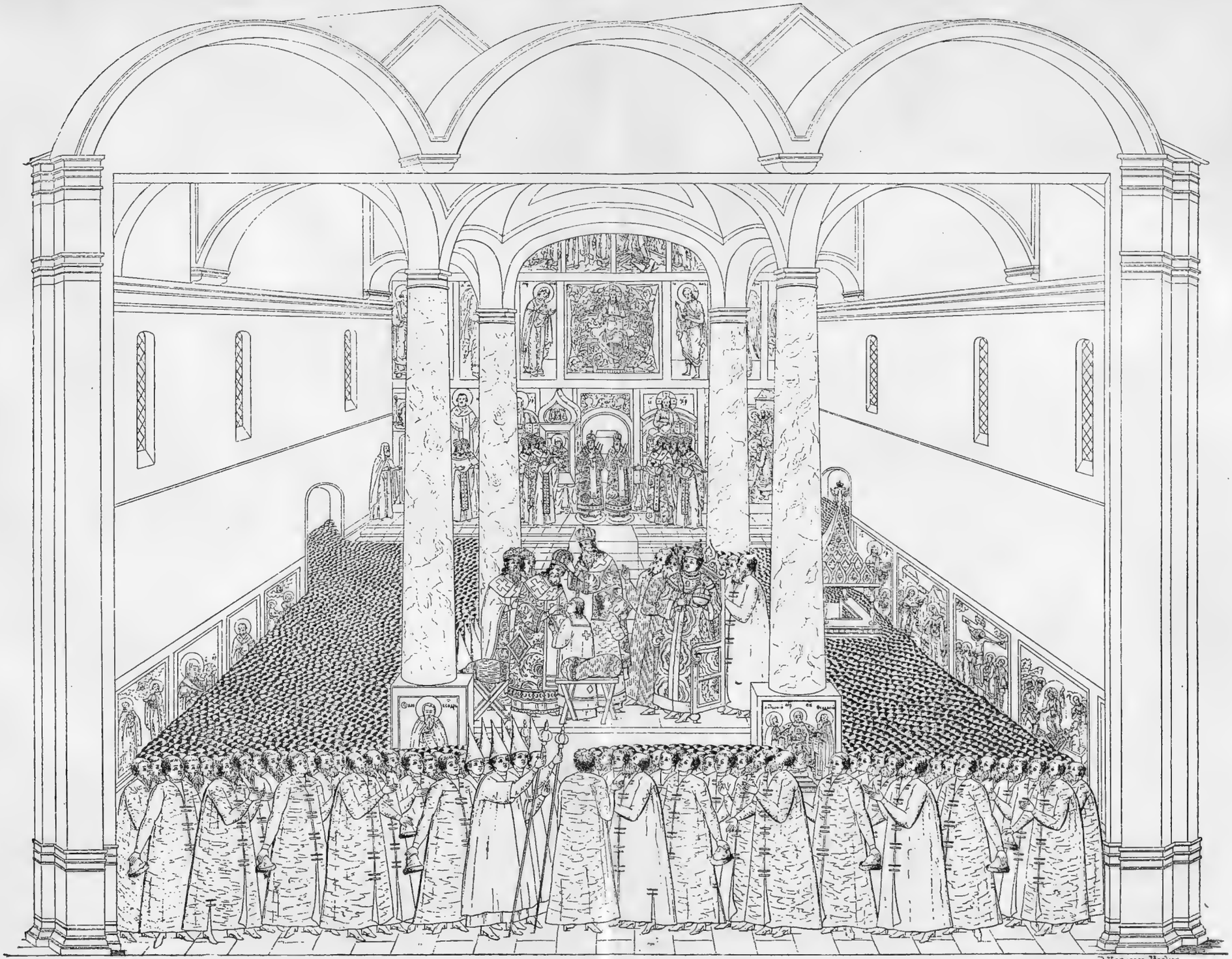
Само собою разумѣется, что болѣе всего мы имѣемъ свѣдѣній о строительной дѣятельности Михаила Ѳеодоровича въ сердцѣ Москвы — Кремлѣ. Она при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ сильно проявилась въ этомъ главнѣйшемъ центрѣ Москвы.

Прежде всего работа зодчихъ коснулась Фроловскихъ воротъ, кои послѣ стали называться Спасскими. Построенныя при Іоаннѣ III Антоніемъ Соляріемъ, они, какъ видно на изображеніи Кремля въ царствованіе Бориса Годунова, представляли четыреугольное невысокое зданіе, покрытое четырехскатною крышей, подъ которой устроена вышка съ четырьмя фронтонами, увѣнчанная двухглавымъ орломъ. На вышкѣ былъ повѣшенъ колоколъ. Въ 1624 году, по указу царя Михаила Ѳеодоровича, надъ Фроловскими воротами построена была шестигранная высокая башня, а на ней поставлены были часы, существовавшіе въ своемъ первоначальномъ видѣ до Петра I, который замѣнилъ ихъ другими. Строителемъ башни и часовщикомъ былъ англичанинъ Христофоръ Галловей. Она получила почти тотъ же видъ, который сохраняетъ донынѣ; но окружающая ее обстановка уже не та, что при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Такъ, предъ нею былъ мостъ, перекинутый чрезъ ровъ, наполненный водой. Самая главная кремлевская стѣна покрыта двухскатною крышей. (См. выше рисунокъ: «Провозглашеніе царемъ Михаила Ѳеодоровича на Красной площади», стр. 40 и 41).

Въ самомъ Кремлѣ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича кипѣла огромная работа по возстановленію его храмовъ и дворцовъ.

Въ Успенскомъ соборѣ были возстановлены испорченные въ междуцарствіе своды и настѣнная иконопись. По современнымъ свѣдѣніямъ, это послѣднее дѣло было поручено псковскому иконописцу Ивану Паисену, вмѣстѣ съ московскими иконописцами, кои въ точности снимали на листы старую живопись. Возобновленіе ея совершалось, подъ наблюденіемъ боярина Бориса Рѣпнина, стольника Григорія Пушкина и дьяка Степана Угодскаго. Золота употреблено было 210.000 листовъ, на 1.721 червонецъ (около 20.000 руб.). Государь указалъ брать деньги на этотъ предметъ изъ печатнаго и монетнаго дворовъ и изъ приказа Казанскаго дворца. Однако въ возобновленіи собора

Реконструкція Кремлевскихъ дворцовъ въ царствованіе Михаила Феодоровича.



Посвященіе въ патріархи Филарета Никитича. (Изъ книги „Избраніе на царство“ и проч.).

участвовали и патріархъ Филаретъ, давшій на этотъ предметъ 1.000 червонцевъ, и торговый человѣкъ Толечовъ—164 червонца.

«По учиненіи смѣты, поданной государю за руками иконописцевъ Ивана Паисена съ товарищами, оказалось, что если собрано будетъ государевымъ изволеніемъ знаменщиковъ и иконописцевъ шестьдесятъ человѣкъ, то всю соборную церковь уповательно можно надписать въ два лѣта. По приготовленіи красокъ и всего матеріала, потребнаго къ сему дѣлу, начали левкасъ дѣлать изъ старой извести, которую возили изъ Ростова. Въ привозѣ оной значится 200 бочекъ, цѣною каждая по 50 коп., и притомъ за провозъ 50 же. Оную же известь въ левкасъ претворяли слѣдующимъ образомъ: смѣшавъ съ водою, цѣдили въ 20 творилъ черезъ рѣшета, въ творилахъ гребками мѣшали и изъ Москвы-рѣки воду въ опредѣленные часы перемѣняли; емжугъ же, или соръ съ пѣною, съ извести снимали и потомъ оную со льномъ сбивали; а ленъ пріуготовляли такъ: оный на мельницахъ терли и выбирали изъ него кострицу, а потомъ сушили въ ведренное и теплое время на шестахъ, а въ ненастное время нарочно избы топили; изсуша, вили веревки, и, изрѣзавъ ихъ, въ творилахъ же съ известью мѣшали; такимъ образомъ, пріуготовивъ левкасъ, снимали со стѣнъ старое иконное письмо на бумажные листы; потомъ старый левкасъ сбивали и, гдѣ оказывались сверху на сводахъ трещины, заливали ихъ вареною смолою. Очистивъ стѣны, набивали оныя для укрѣпленія новаго левкаса гвоздьми; гдѣ же гвозди въ стѣну не входили, навертывали нарочно сдѣланными пробоями, а потомъ левкасили вновь и, чтобы гладокъ былъ левкасъ, потирали оны ветошками. Учредивъ все такимъ образомъ, писали иконописцы на стѣнахъ безъ свѣчъ, а по необходимости и при свѣчахъ, противъ снятыхъ знаменщиками стараго письма рисунковъ, растворяя краски на яйцѣ, да на пшеничной вареной водѣ; въ киноварь же и сурикъ — масло, а въ баканъ и ярь — нефть и скипидаръ клали; золотили же только на олифѣ, и оное стѣнное письмо покрывали олифою жъ. Ревностно продолжая симъ порядкомъ свой трудъ, окончили иконное писаніе въ 1644 году». Это слѣдовало бы принять въ соображеніе при нынѣшней реставраціи фресокъ Успенскаго собора.

Кромѣ этого, царствованіе Михаила Ѳеодоровича памятно для Успенскаго собора тѣмъ, что въ 1626 году здѣсь положена была принесенная послами шаха персидскаго Аббаса риза Господня, взятая персами изъ грузинскаго Мцхетскаго собора.

Патріархъ Филаретъ Никитичъ, установивъ по этому поводу ежегодное празднованіе 10 іюля, устроилъ для храненія святыни бронзовый литой шатеръ, искусно сдѣланный котельнымъ мастеромъ Дмитріемъ Сверчковымъ. Между столбами собора въ 1644 г. было повѣшено иждивеніемъ государя восемь паникадилъ.

Изъ записокъ строительныхъ, издѣльныхъ и покупныхъ («Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики Москвы»), видно, сколько заботъ посвящалось въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича первопрестольному собору всея Россіи. Особенно много заботился о немъ отецъ государя, патріархъ Филаретъ Никитичъ. Изъ названныхъ записокъ видно, что и когда, какими мастерами и за какую плату дѣлалось въ соборѣ; здѣсь, что важно

Печати Филарета Никитича.

для русской иконографіи, исчисляются и новыя иконы, написанныя для него, золотыя и серебряныя ризы для иконъ, ковчеги и раки для мощей, облаченія для духовенства, пелены, аналои, рѣшетки и т. д. Пріятно отмѣтить, что для собора работали все русскіе мастера самыхъ разнообразныхъ спеціальностей. Патріархъ иногда поощрялъ ихъ своимъ, особо милостивымъ жалованіемъ. Такъ, напримѣръ, иконописецъ Назарій Истоминъ получилъ отъ святѣйшаго патріарха, изъ его келейной кіоты, Спасовъ образъ, въ серебряномъ окладѣ, ковшъ серебряный же и проч.

Нѣтъ сомнѣнія, что и Архангельскій соборъ, подвергшійся опустошенію во время польскаго владычества въ Москвѣ, требовалъ немало работъ по своему возстановленію. Но объ этомъ мы мало имѣемъ свѣдѣній. Въ исторіи же этого собора это царствованіе отмѣчено, кромѣ вкладовъ, богомольныхъ царскихъ выходовъ и погребенія самого государя, перенесеніемъ сюда изъ Польши

гроба развѣнчаннаго царя и невольнаго инока Василія Ивановича Шуйскаго. При заключеніи Поляновскаго мира польскій король Владиславъ IV согласился отпустить въ Москву гробы Шуйскаго и его жены.

Сюда они прибыли 10 іюня 1635 года. Народъ съ крестнымъ ходомъ вышелъ встрѣтить гробы на Поклонную гору, за Дорогомиловскую заставу. Ихъ несли на головахъ дѣти боярскія до церкви Николы Явленнаго на Арбатѣ. Отсюда ихъ понесли московскіе дворяне на плечахъ. Патріархъ Іосифъ, преемникъ Филарета Никитича, встрѣтилъ печальную процессію у несуществующей теперь церкви Николая Зарайскаго, у Каменнаго моста, и, отслуживъ литію, пошелъ за ними вмѣстѣ съ духовенствомъ. Гробы внесли въ Кремль чрезъ Ризположенскія ворота а, когда проходили около двора Бориса Годунова, зазвонили во всѣ колокола. Царь съ боярами были всѣ въ «смирныхъ» или траурныхъ одеждахъ. На другой день происходило погребеніе царя Василія Ивановича въ соборѣ Архангела Михаила. Гробъ его былъ поставленъ у сѣверной стѣны. Надпись гласитъ: «7121—1612, сентября въ двѣнадцатый день, на память священномученика Автонома, преставился благовѣрный и христолюбивый великій государь, царь и великій князь Василій Ивановичъ всея Россіи самодержецъ, въ польскомъ королевствѣ, въ 65 лѣтъ живота его, а въ Польшѣ лежало его тѣло 23 года».

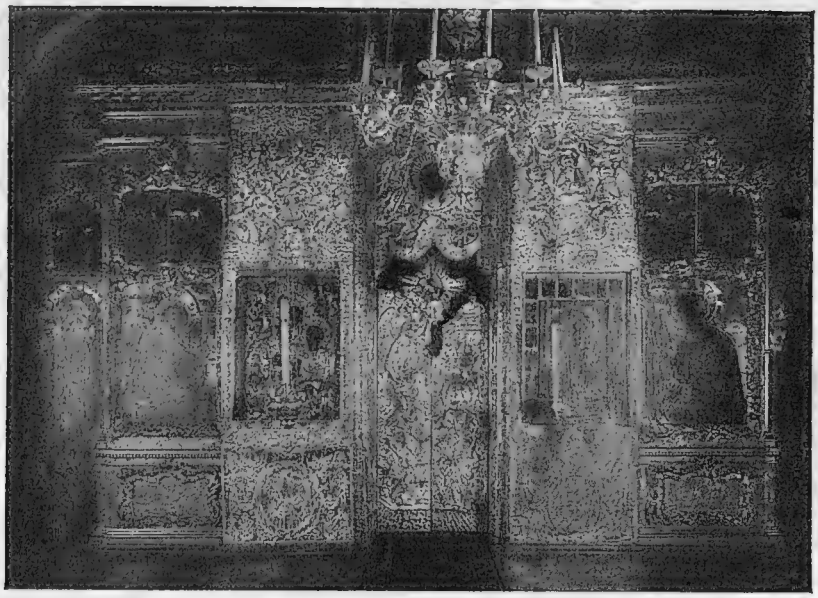
О Благовѣщенскомъ соборѣ извѣстно, что царь Михаилъ Ѳеодоровичъ велѣлъ устроить въ немъ каменный полъ, существующій доселѣ. Онъ сдѣланъ изъ набора яшмъ и, по одному свидѣтельству, перенесенъ, по приказанію отца государя, изъ Ростовскаго собора. Кромѣ того, онъ устроилъ семь серебряныхъ ковчеговъ для храненія частицъ мощей, которыя были подносимы ему изъ святыхъ мѣстъ востока.

Въ это же царствованіе, по благословенію патріарха Филарета, рядомъ съ Ивановскимъ столпомъ Годунова, была построена колоколенная пристройка большихъ размѣровъ для помѣщенія колоколовъ. Но это зданіе было взорвано Наполеономъ въ 1812 году и возстановлено было уже послѣ Отечественной войны; оно и носитъ названіе Филаретовской постройки. На колокольню былъ отлитъ большой колоколъ, называемый «Реутомъ». Вѣсу въ немъ 2000 пудовъ.

Являясь возстановителемъ прежнихъ храмовъ Кремля, Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ и храмоздателемъ новыхъ. Патріархъ Фила-

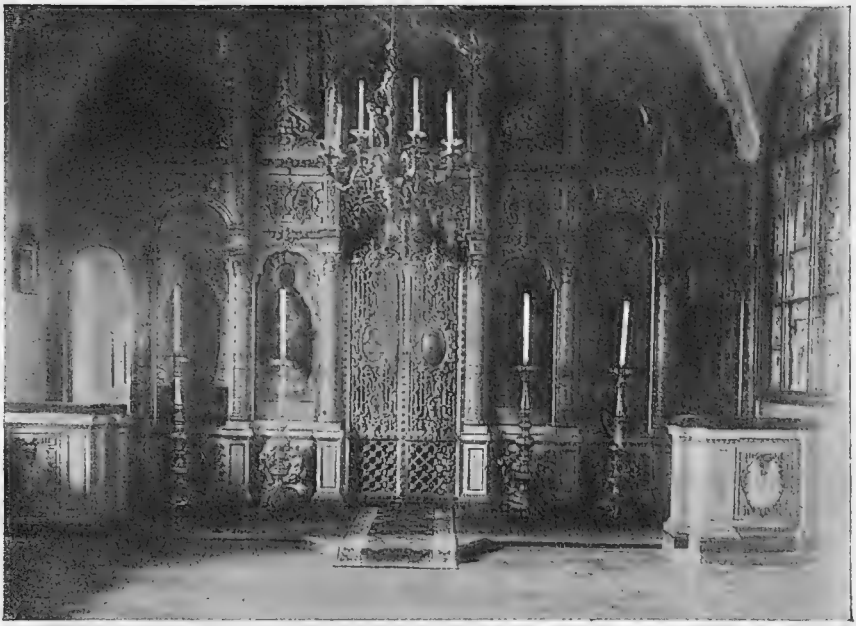
Гробницы первыхъ царей изъ дома Романовыхъ въ Архангельскомъ соборѣ.

ретъ Никитичъ, около 1630 года, построилъ въ Кремлѣ, надъ Тайницкими воротами, первый на Руси (соборный) храмъ во имя Александра Невскаго. Какъ видно изъ дѣлъ патріаршаго приказа, въ этомъ году, 7 іюня, по указу патріарха, «впервые» выдано двумъ священникамъ и діакону новаго собора 8 алтынъ и 2 деньги. Вотъ нѣкоторыя подробности объ Александро-Невскомъ соборѣ, уничтоженномъ въ концѣ XVIII столѣтія. Въ описываемое время «поволакивалъ въ немъ бархатомъ червчатымъ» евангеліе переплетчикъ Ермолаевъ, а «знаменилъ» и золотилъ евангелистовъ и крестъ знаменщикъ Петръ Матвѣевъ. За кіотъ и образъ св. Александра Невскаго, для ношенія въ крестныхъ ходахъ, заплочено иконнику Ондрюшкѣ Ондрееву 16 алтынъ 4 деньги. За кадило заплочено 2 руб., 3 алтына и 2 деньги. Надъ царскими вратами собора были поставлены образа: Всемилостиваго Спаса, Знаменія, Пречистыя Одигитріи, Пречистыя Владимірскія, Страстотерпца Ѳеодора и Михаила Малеина, писанныя иконописцемъ Назаріемъ Истоминымъ. Протопопъ собора съ причтомъ на праздникъ святого Александра Невскаго ходилъ къ святѣйшему патріарху со святою водою два раза въ годъ: 30 августа и въ ноябрѣ.

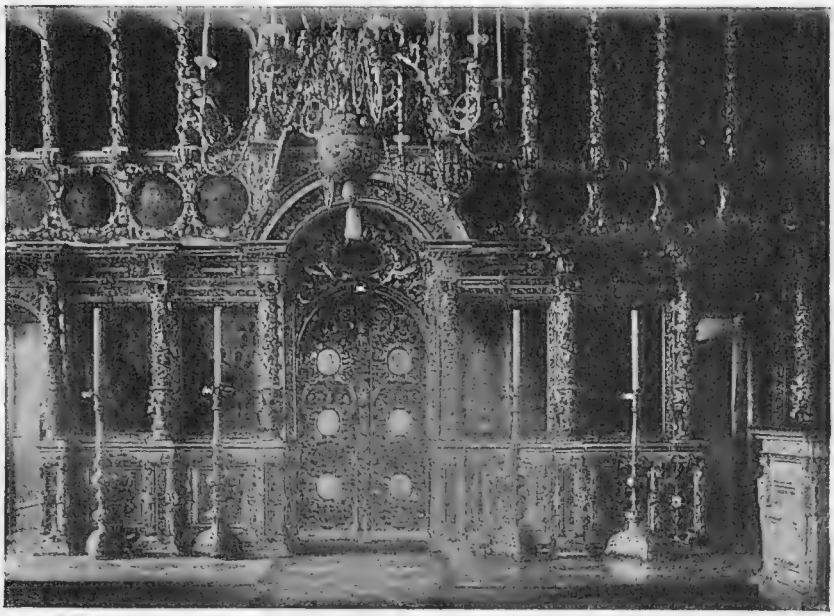


Дворцовая церковь Спаса «за золотою рѣшеткою».

Изъ храмовъ, построенныхъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ Кремлѣ, извѣстны: 1) находящійся теперь внутри дворца Верхоспасскій соборъ, или Спасъ за золотою рѣшеткою. Онъ назывался также Спасомъ Нерукотвореннымъ на сѣняхъ или наверху у государя. Построеніе этого храма относится къ 1635—1636 году, ко времени увеличенія царскихъ теремовъ. Строитель храма былъ подмастерье каменныхъ дѣлъ Огурцовъ. Въ этомъ храмѣ говѣли и причащались цари, начиная отъ Михаила Ѳеодоровича и до Петра I, были крещены ихъ дѣти, и совершалось молебствіе въ день совершеннолѣтія царевичей, когда они объявлялись наслѣдниками престола. Сюда Филаретъ Никитичъ пожертвовалъ паникадило, которое, какъ видно по надписи, сдѣлано было въ знаменательный 1613 годъ «въ полону», стало-быть, въ Польшѣ, когда тамъ находился отецъ государя. Около этого храма, на верху теремной лѣстницы, была боярская площадка, на коей собирались наши сановники прежде, чѣмъ являться къ государю. Церковь Спасова была отдѣлена отъ нея вызолоченною рѣшеткою. 2) «У царицы на сѣняхъ» въ 1626 году, по повелѣнію Михаила Ѳеодоровича, была построена зодчимъ Джономъ Тайлеромъ церковь великомученицы Екатерины и 3) церковь Воскресенія Словущаго,



Екатерининская церковь.

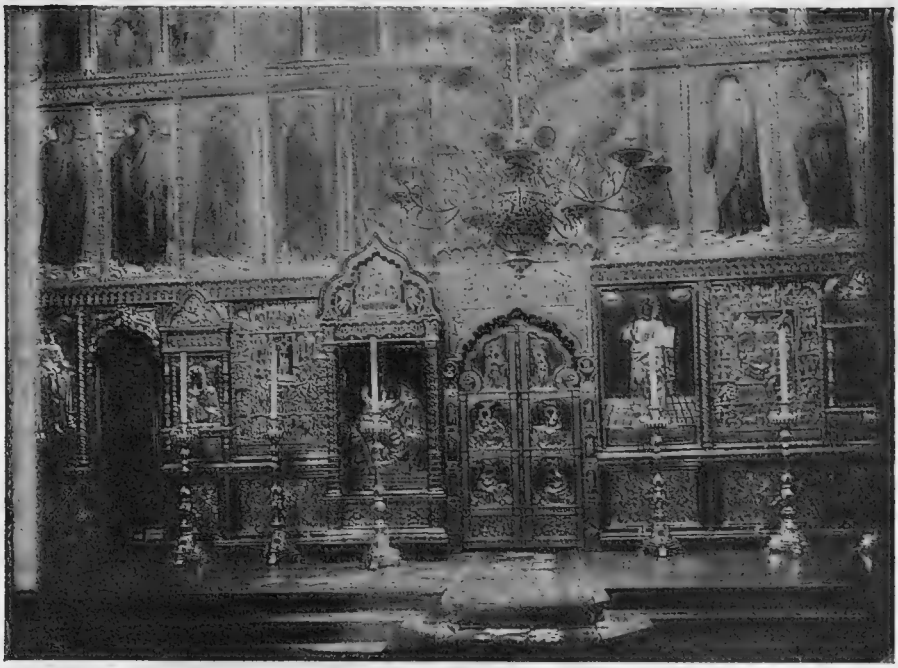


Церковь воскресенія Словущаго.

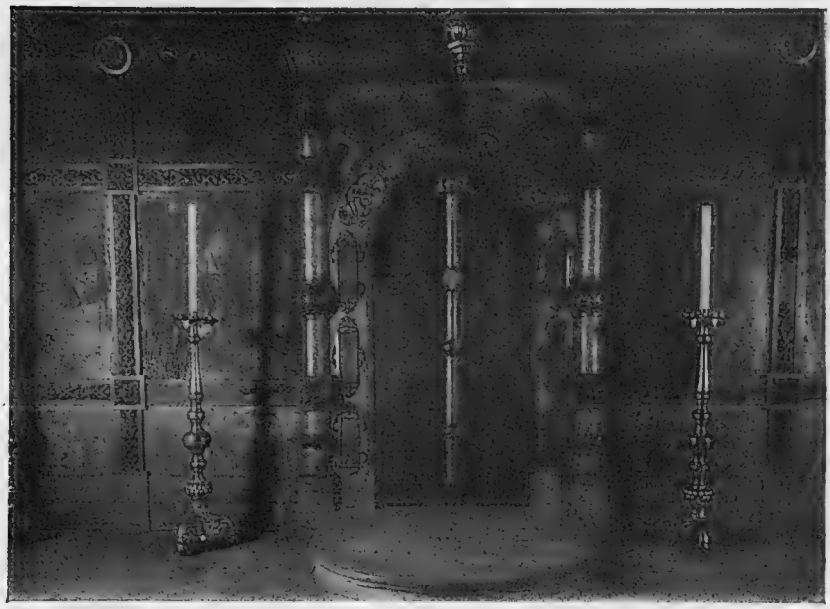
существовавшая съ 1635 года и по стилю и украшеніямъ сходная съ Верхоспасскимъ соборомъ.

Исторія Московскаго Кремля при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ представляется очень оживленной, не по одному только его храмоздательству, но и по обширному строительству дворцовъ.

По изысканіямъ И. Е. Забѣлина, эту сторону дѣятельности молодого царя можно представить въ слѣдующемъ видѣ: въ 1614 году были выстроены большія государевы хоромы, а въ слѣдующемъ году ихъ расписывали разными орнаментами и картинами иконописцы Ивашка да Ондрюшка Моисѣевы. Въ 1616 году въ тѣ же хоромы серебряной палаты сторожъ Михалка Андреевъ дѣлалъ литую висячую подволоку, которая была вызолочена. Въ январѣ государь справлялъ здѣсь новоселье и далъ награду плотникамъ. Затѣмъ надъ царицыной и проходной палатами и на постельномъ крыльцѣ котельные мастера устроили новыя металлическія кровли. Но 14 февраля 1619 года въ царскихъ хоромахъ случился пожаръ, и дворцовый плотничный мастеръ строилъ новыя государевы хоромы, столовую избу и постельную комнату; а въ 1621 году ихъ украшали «знаменьемъ и письмомъ» лучшіе иконописцы: Чиринъ, Савинъ, Паисѣинъ Поспѣевъ и травникъ Лука Трофимовъ и другіе. Въ ноябрѣ въ столовой было справлено новоселье. Въ 1624 году Михаилъ Ѳеодоровичъ къ своимъ хоромамъ прибавилъ двѣ мыленки, избушку и сѣнничекъ. Въ слѣдующемъ году возобновилъ церковь Рождества Богородицы на Сѣняхъ, съ придѣломъ св. Лазаря. Здѣсь мать царя великая инокиня Марѳа Іоанновна поставила снимокъ съ иконы Ѳеодоровской Божіей Матери, предъ которой молился Михаилъ Ѳеодоровичъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ, когда мать его благословила на царство. Но 3 мая 1626 года случился новый пожаръ. Въ Кремлѣ, кромѣ монастырей Вознесенскаго и Чудова, «дворъ государевъ и патріаршій и въ приказѣ каменныхъ всякія дѣла погорѣша, и казна, и конюшни, и житницы, и всѣ «жила» государевы погорѣша». Опять поднялась стройка, и въ лѣто пожара Первуша Исаевъ поставилъ государю новыя постельныя хоромы. Затѣмъ въ слѣдующемъ году построена была брусяная столовая изба, гдѣ 23 ноября, на новосельѣ государь угощалъ бояръ обѣдомъ, а тѣ подносили ему хлѣбъ-соль и соболей. Иноземецъ, — палатный мастеръ Джонъ Тайлеръ, — въ этомъ же году возобновлялъ кремлевскій Срѣтенскій соборъ и строилъ помянутую выше церковь св. Екатерины. Послѣ этого пожара каменныя стройки слѣдуютъ одна за другой. По государ-



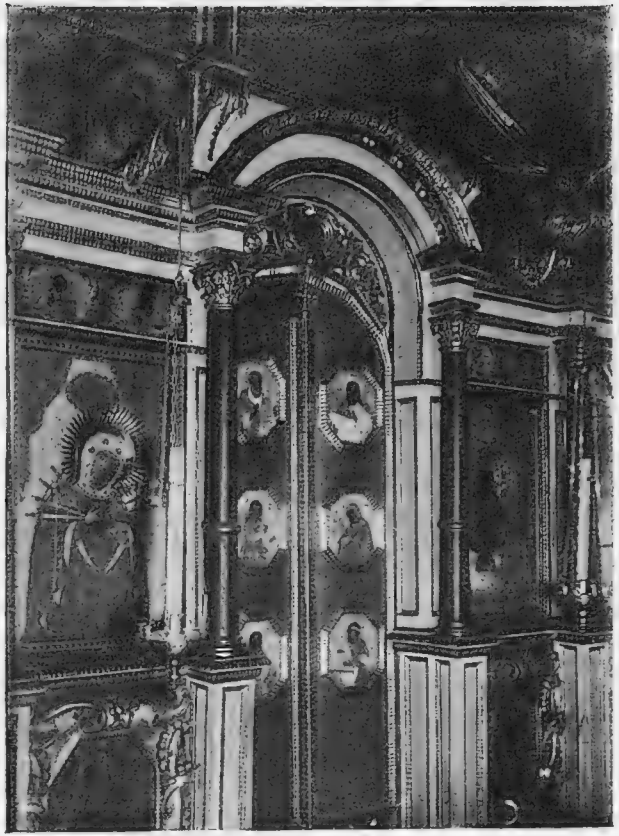
Церковь Рождества на Сѣняхъ.



Иконостасъ церкви св. Лазаря.

Икона Θеодоровскія Божія Матери.
Даръ матери царя Михаила Θеодоровича.

реву указу собраны были изъ Ростова, Суздаля, съ Бѣла-Озера и изъ другихъ мѣстъ всѣ каменщики и кирпичники «для многихъ церковныхъ, дворцовыхъ и палатныхъ каменныхъ дѣлъ». Выписанъ былъ также «голландскія земли нѣмчинъ—кирпичный мастеръ Рудерикъ Мартысъ», который устроилъ кирпичный заводъ въ Даниловской слободѣ, «по своему нѣмецкому образцу». Въ 1631 году на кормовомъ дворѣ выстроена была русскими каменщиками каменная поварня, на которую посредствомъ водоподъемной машины была проведена изъ Москвы-рѣки вода, а въ 1633 году прежде упоминавшійся Галловей взвелъ воду на Свибловскую башню, а оттуда въ поварни, въ сытный и кормовой дворецъ. Въ 1633 — 1636 годахъ государь для себя и для дѣтей своихъ выстроилъ каменныя жилыя хоромы, хотя до

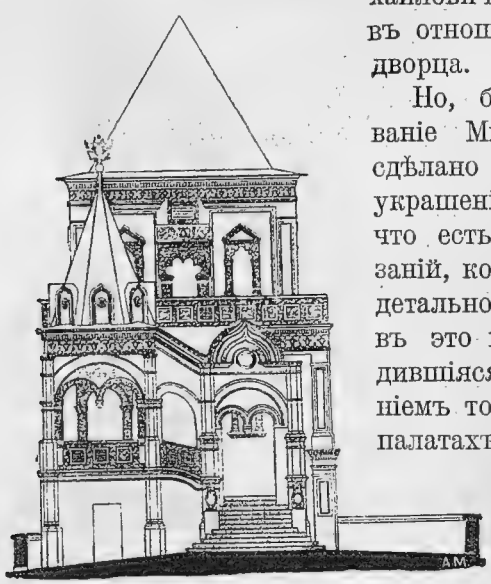


Иконостасъ въ церкви св. Лазаря.

Царское мѣсто въ церкви св. Лазаря.

этого, какъ болѣе пригодныя для здоровья, предпочитались деревянныя. Онѣ были построены надъ выстроенною еще при Іоаннѣ III мастерскою палатою и подклѣтными палатами, рядъ которыхъ тянулся къ церкви Рождества Богородицы. Возведены были теперь три новыхъ этажа подъ лицо съ царицыными пріемными палатами. Верхній этажъ съ теремомъ наверху былъ назначенъ для малолѣтнихъ царевичей Алексѣя и Ивана, что значится и въ надписи, сохранившейся и донынѣ. Все зданіе сохранило типъ деревянныхъ жилыхъ хоромъ. Кромѣ каменныхъ растесокъ и рѣзей, напоминающихъ деревянную рѣзьбу, терема въ своемъ внутреннемъ устройствѣ напоминаютъ русскія деревянныя постройки. Почти всѣ комнаты теремнаго дворца одинаковой мѣры, каждая съ тремя окнами, что напоминаетъ великорусскую избу. Въ послѣдніе три года своего царствованія Михаилъ Ѳеодоровичъ выстроилъ еще какія-то дворцовыя палаты на Цареборисовскомъ дворѣ для датскаго королевича Вольдемара, за котораго хотѣлъ выдать дочь свою Ирину.

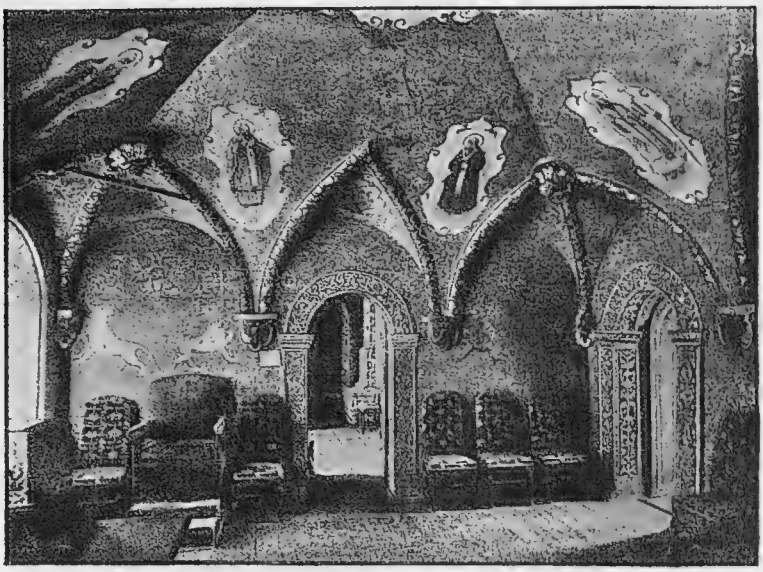
Такимъ образомъ царь Михаилъ въ теченіе тридцати двухъ лѣтъ своего царствованія успѣлъ не только возстановить старый дворецъ, но и увеличилъ его новыми каменными и деревянными постройками, выраставшими по мѣрѣ умноженія царской семьи и потребностей быта. Его сыну царю Алексѣю Михайловичу оставалось немного дѣла, въ отношеніи основныхъ сооруженій дворца.



Крыльцо Теремнаго дворца.

Но, безъ сомнѣнія, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича много сдѣлано было и для внутренняго украшенія дворцовыхъ палатъ, на что есть немало письменныхъ указаній, кои, впрочемъ, не опредѣляютъ детально того, что именно дѣлалось въ это время. Но, конечно, производившіяся работы были возстановленіемъ того, что было во дворцовыхъ палатахъ при Іоаннѣ IV и Ѳеодорѣ Іоанновичѣ. Если работы иконописцевъ по фресковымъ украшеніямъ дворцовыхъ палатъ уже при Алексѣѣ Михайловичѣ возста-

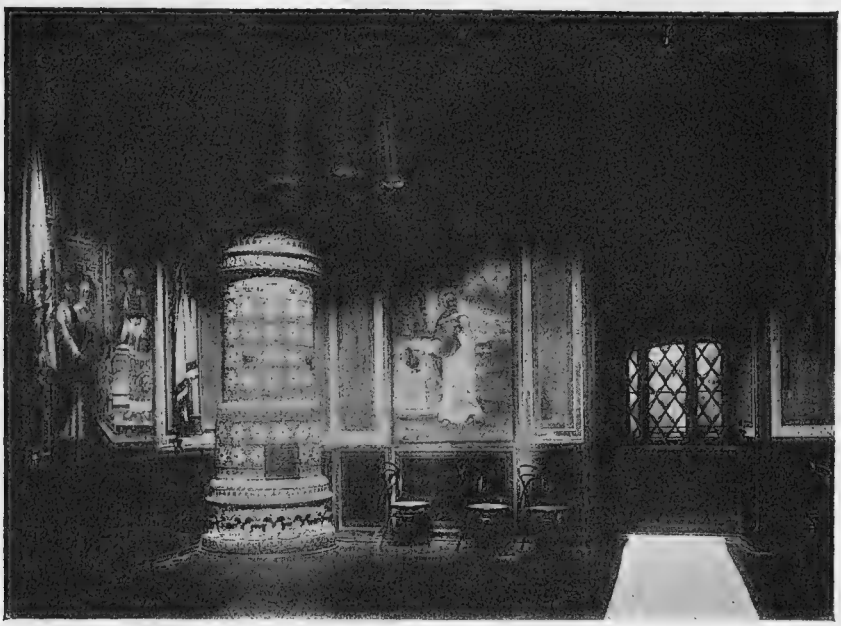
Крестовая палата въ Теремномъ дворцѣ.



Престольная палата въ Теремномъ дворцѣ.

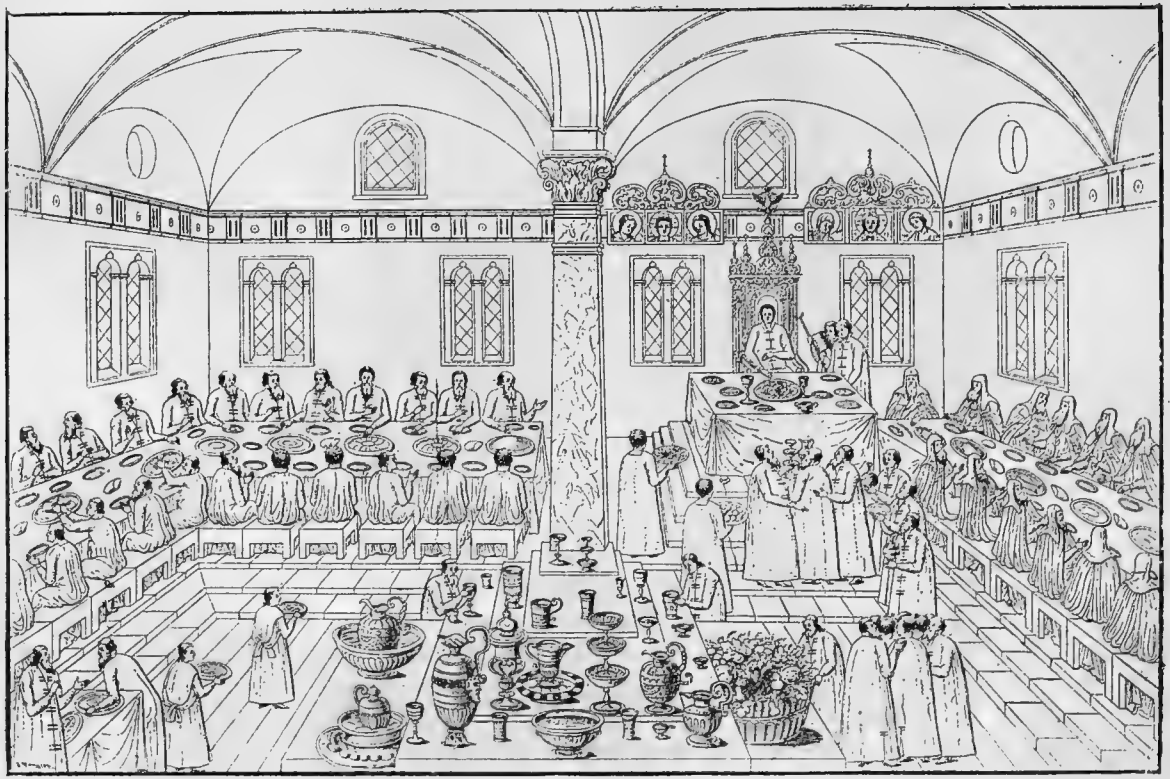
новляли только «тѣ жъ вещи, что прежде были писаны», то при Михаилѣ его царскіе иконописцы: Чиринъ, Назарьевъ, Савинъ, Паисѣинъ, Поспѣевъ, подписывавшіе и жилые и парадные царскіе покои, лишь возстановляли то, что было уничтожено или испорчено Смутнымъ временемъ, не внося, конечно, ничего новаго.

На основаніи этого мы можемъ утверждать, что, напримѣръ, Грановитая палата была расписана по своимъ потолкамъ и стѣнамъ, какъ она реставрирована была при въ Бозѣ почившемъ

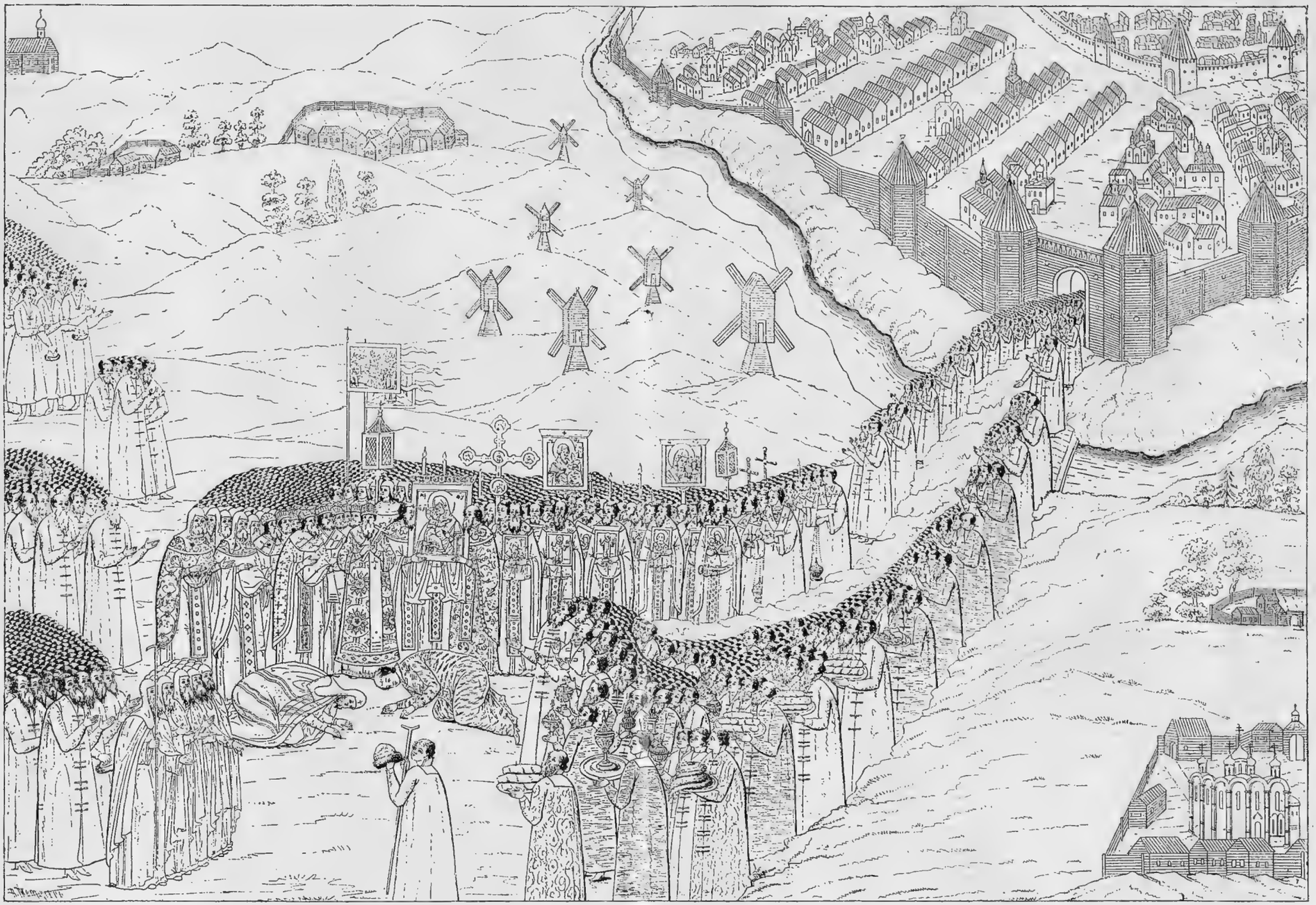


Притворъ церкви Рождества на Сѣняхъ.

Государѣ Императорѣ Александрѣ Александровичѣ, на основаніи описанія фресокъ, сдѣланнаго при Алексѣѣ Михайловичѣ знаменитымъ русскимъ художникомъ Симономъ Ушаковымъ. Здѣсь въ разсматриваемое время красовались иконописныя изображенія изъ св. исторіи Ветхаго и Новаго завѣта и изъ Русской исторіи, портреты Русскихъ государей, начиная съ Рюрика, и картины, въ родѣ присылки изъ Византіи Владиміру Мономаху царскихъ регалій, также аллегорическія изображенія мужества, правды и т. д.; подобнаго же религіознаго, аллегорическаго и историческаго характера была стѣнопись и въ Золотой палатѣ, святыхъ сѣняхъ и жилыхъ покояхъ, если только такую живопись



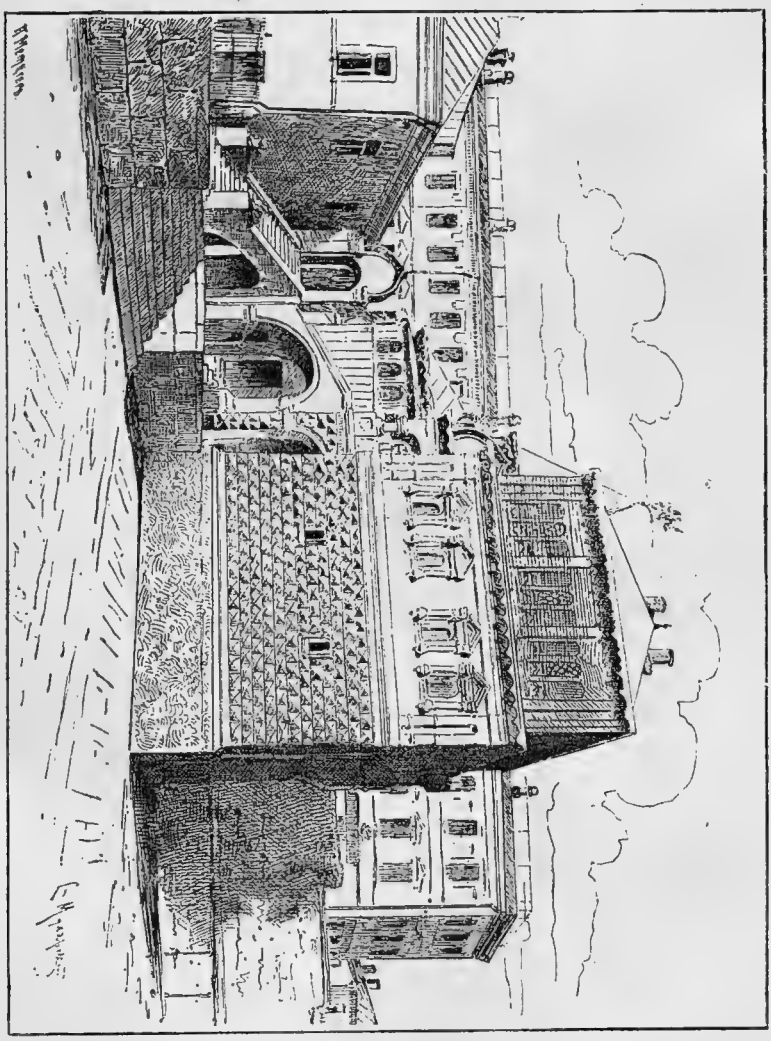
Коронаціонный обѣдъ Михаила Феодоровича въ Грановитой палатѣ.



Встрѣча Филарета Никитича въ предмѣстьѣ Москвы.

не замѣняла орнаментація въ русскомъ стилѣ, болѣе или менѣе затѣйливаго характера.

Михаилу Ѳеодоровичу пришлось возстановлять во дворцѣ царскіе троны и мѣста, ободранные въ эпоху московской разрухи

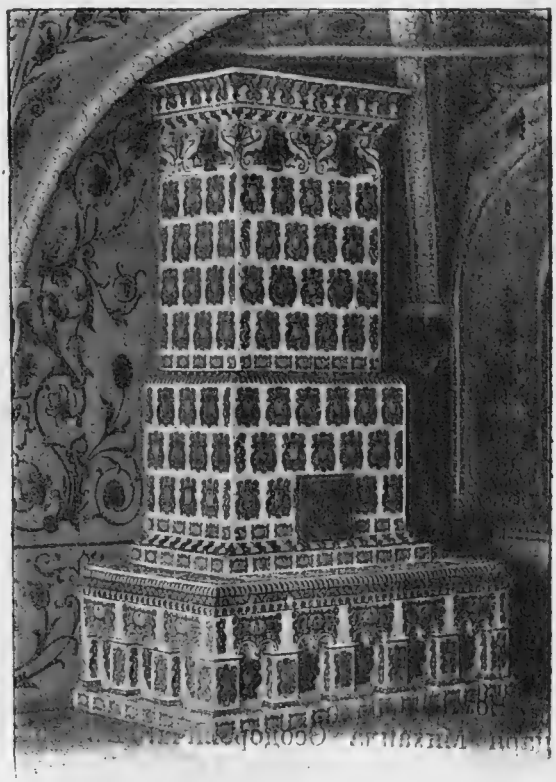


Палаты бояръ Романовыхъ.

Вообще молодому царю привелось немало потрудиться по возстановленію разореннаго царскаго обихода.

Михаиломъ Ѳеодоровичемъ были построены при дворцѣ потѣшныя палаты, гдѣ теперь «Потѣшный дворецъ» и гдѣ устра и-

вались различныя увеселенія и хранились различные музыкальные инструменты (стременты), какъ русскіе гусли, домры и другіе, такъ и заграничные, — органы, скрипки и проч. При этихъ палатахъ находились бахари или сказочники, пѣсенники, домрачеи, гусляры, скрыпотчики. Изъ гусляровъ этого времени извѣстенъ Любимъ Ивановъ; изъ органистовъ Томила Бѣсовъ и Мелентій Степановъ. На свадьбѣ царской тѣшили молодыхъ и ихъ гостей скрыпотчики: Богдашка Акатьевъ, Ивашка Ивановъ, Онашка да новокрещенный нѣмчинъ Арманка. Во дворцѣ стоялъ органъ съ соловьемъ и кукушкой, пѣвшими «своими голосами». Органисту Ансу Лунцу повелѣно было научить русскихъ людей дѣлать такіе «стременты», кои посылались послѣ въ подарокъ восточнымъ государямъ, какъ, напримѣръ, персидскому шаху. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ на мѣстѣ нынѣшней думы содержались львы и медвѣди; въ Старомъ Ваганьковѣ на мѣстѣ Румянцевскаго музея, — большой «псаренный дворъ».



Печь въ царскихъ теремахъ.

Михаилъ Ѳеодоровичъ много заботился объ устройствѣ садовъ дворцовыхъ. Эти сады, по мнѣнію И. Е. Забѣлина, были двухъ родовъ: одни верховые, какъ бы домовые, другіе — внѣшніе, или обыкновенные. Первые устраивались въ видѣ такъ называемыхъ висячихъ садовъ на какихъ-нибудь подклѣтяхъ или сводахъ, кои покрывались свинцовыми досками; на нихъ насыпалась земля и сажались фруктовыя деревья: яблони, груши, вишни, сливы, грецкіе орѣхи, даже виноградъ, и цвѣты: лиліи,

Выходъ царя и царицы послѣ бракосочетанія.

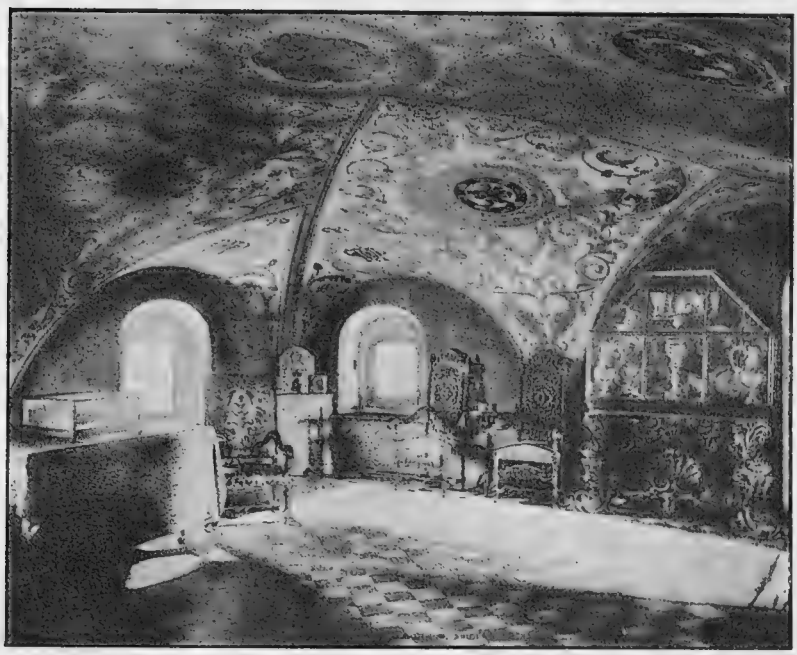
розы, нарциссы, гвоздика, иссопъ и т. д. Въ этихъ внутреннихъ садахъ вѣшались клѣтки съ соловьями, канарейками, перепелами и даже попугаями. Во внѣшніе сады посредствомъ водопроводовъ проводилась вода, и устраивались большаго или меньшаго размѣра пруды, на коихъ плавали лебеди и даже потѣшныя лодки, какъ, напримѣръ, въ послѣдующее время, при Θеодорѣ Алексѣевичѣ, для его брата царевича Петра. Здѣсь же стояли бесѣдки (чердаки), украшенныя разными узорами и даже картинками.

Вотъ какія свѣдѣнія мы имѣемъ о дворцовомъ садоводствѣ царя Михаила Θеодоровича. Въ 1623 году садовникъ Назаръ Ивановъ, уряжая государевъ «садъ наверху», т.-е. во дворцѣ, выискивалъ по всѣмъ садамъ Москвы лучшія яблони и высадилъ здѣсь три собственныя яблони большія, «наливъ», да грушу царскую. Вѣроятно, на этихъ яблоняхъ росли тѣ яблоки, о коихъ Олеарій говоритъ, что они такъ нѣжны и бѣлы, что, если держать ихъ противъ солнца, внутри ихъ можно видѣть зерна. Не въ этомъ ли саду посажена была и махровая роза, впервые привезенная въ Москву изъ Готорпа Петромъ Марцеліемъ? Затѣмъ извѣстно, что въ 1635 году садовники Иванъ Телятевскій да Титъ Андреевъ строили сады вверху и на Цареборисовскомъ дворѣ, а садовникъ Никита Родіоновъ въ это же время ударилъ челомъ царю Михаилу и царевичу Алексѣю въ ихъ

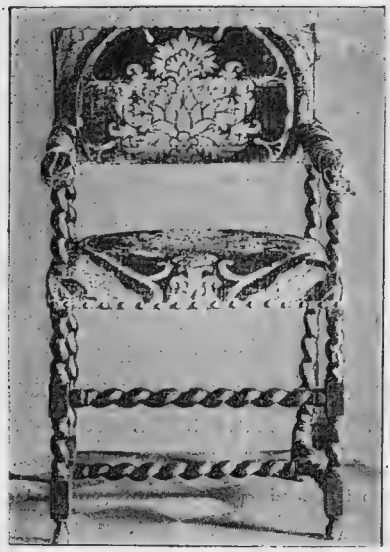
сады яблонями и грушами. Далѣе въ слѣдующемъ году «въ новый государевъ садъ» обито сукномъ, багрецомъ червчатымъ, на хлопчатой бумагѣ, государево мѣсто. На внутреннемъ дворѣ, близъ Спаса на Бору, со стороны его алтарей, находился особый садъ, который примыкалъ къ столовой избѣ и постельной государевой комнатѣ. Въ этомъ же саду въ 1643 году, послѣ кровопусканія Михаилу Ѳеодоровичу, хоронили въ ямку его царскую руду (Акты истор., III, № 228).

Выше (стр. 57 и 58) воспроизводимъ изъ «Книги объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича» рисунокъ Кремлевскихъ дворцовъ и соборовъ во время коронаціоннаго выноса регалій.

Рисунокъ этотъ очень любопытенъ потому, что представляетъ намъ рядъ дворцовыхъ храмовъ и зданій XVII вѣка. За Успенскимъ соборомъ стоитъ храмъ св. Екатерины и справа какая-то деревянная постройка, слѣва теремъ и предъ нимъ Спасъ Золотая рѣшетка. За теремами храмъ Рождества Богородицы. На Соборную площадь выдвигается Грановитая палата съ крытымъ съ шатровыми башенками крыльцомъ. Далѣе идетъ Золотая палата съ открытымъ краснымъ крыльцомъ. За нею видны шатровые верхи



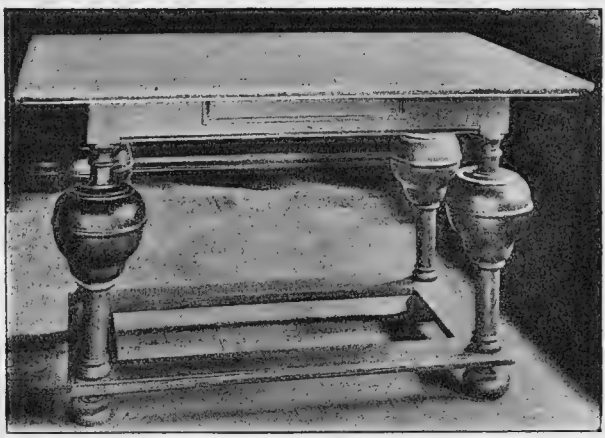
Крестовая палата въ домѣ Романовыхъ.



Кресло Романовыхъ.

столовой палаты, а вдали Колымажныя ворота. Лѣвѣй отъ нихъ Срѣтенскій соборъ и, наконецъ, набережныя палаты. Вообще къ концу царствованія Михаила Ѳеодоровича, по словамъ поэта, «Кремль старинный, сановитый, нашъ алтарь въ крови омытый и искупленный въ огнѣ», былъ совсѣмъ не узнаваемъ, какъ будто онъ совсѣмъ не испыталъ въ лихолѣтье страшной разрухи.

Царствованіе Михаила Ѳеодоровича оставило по себѣ немало памятниковъ и въ Китаѣ-городѣ. Самыми примѣчательными изъ нихъ являются Казанскій соборъ и Знаменскій монастырь. Первый изъ нихъ построенъ былъ княземъ Пожарскимъ и освященъ святѣйшимъ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ въ 1633 году. Въ немъ поставлена была чудотворная икона Казанской Божіей



Столъ въ палатахъ Романовыхъ.

Матери, сопутствовавшая народному ополченію въ 1612 году. Со времени освященія этого собора были установлены сюда два крестныхъ хода: 8 іюля и 22 октября.

Въ 1631 году, въ память кончины матери царя, инокини Марѳы Іоанновны, на мѣстѣ сгорѣвшаго въ Смутное время и существовавшаго на Варваркѣ со временъ Грознаго двора бояръ Романовыхъ, гдѣ родился Михаилъ Ѳеодоровичъ, близъ уцѣлѣвшей каменной палаты, былъ построенъ Знаменскій монастырь. Въ главномъ храмѣ, въ иконостасѣ этого монастыря, находится родовая икона Знаменія Богородицы, передъ которой молился Филаретъ Никитичъ, и серебряная лампада, даръ его супруги. Кромѣ быв-

Церковь въ усыпальницѣ бояръ Романовыхъ въ Новоспасскомъ монастырѣ.

шей здѣсь прежде домовой церкви, была построена церковь во имя Аѳанасія Аѳонскаго, ученика и постриженника преподобнаго Михаила Малеина, ангела царя, въ честь коего въ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ жила его мать, былъ выстроенъ особый придѣлъ.

Кромѣ этого, въ Китаѣ-городѣ выстроены были при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ: сгорѣвшія церкви пророка Иліи на Новгородскомъ подворьѣ (1626 г.) и Николая Чудотворца, «Красный звонъ», и перестроена потерпѣвшая при полякахъ церковь Зачатія св. Анны, что въ углу. Царь бывалъ здѣсь на храмовыхъ праздникахъ, а князь Д. М. Пожарскій, на поминъ своихъ родителей, пожертвовалъ сюда колоколъ. У Варварскихъ воротъ въ 1626 году вновь

построена была церковь св. Климента, а храмъ Троицы въ Никитникахъ деревянный замѣненъ каменнымъ. Онъ называется и церковью Грузинской Богоматери и при второмъ государѣ изъ дома Романовыхъ украшенъ прекрасными иконами кисти Симона Ушакова.

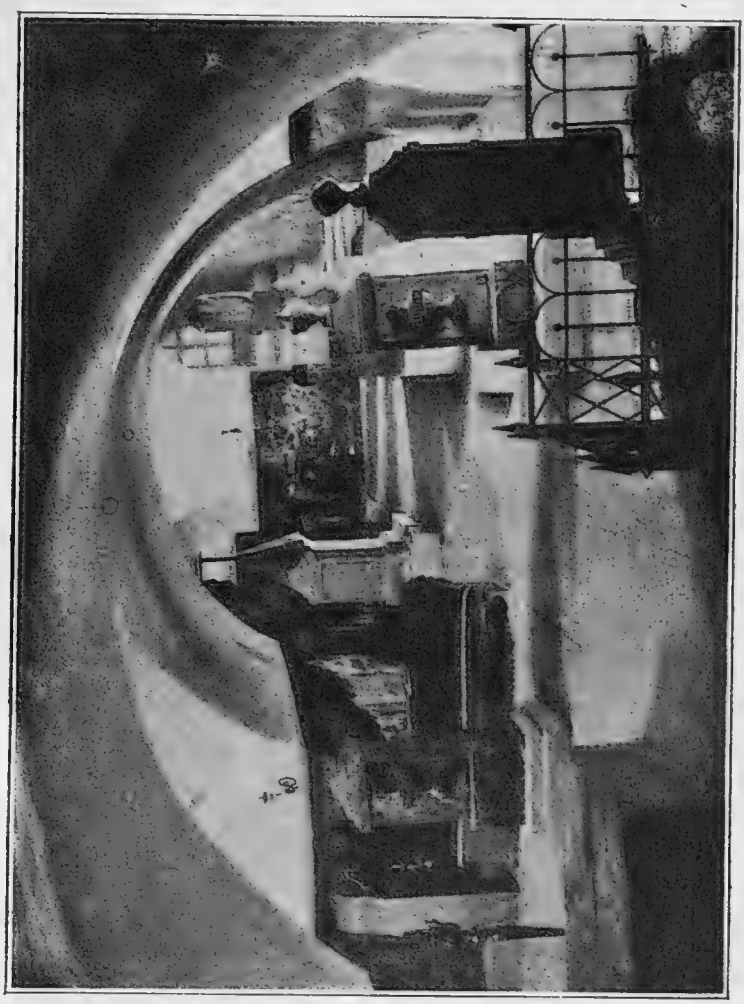
Еще въ 1616 году Михаилъ Ѳеодоровичъ возстановилъ на Никольской улицѣ сгорѣвшій печатный дворъ, а въ 1645 на немъ построилъ особую палату, какъ то значится въ надписи надъ воротами. По описанію Адама Олеарія, въ Китай-городѣ, отъ Василія Блаженнаго, въ это царствованіе шелъ самый большой и лучшій рынокъ, полный по цѣлымъ днямъ торговцевъ и народу. На рынкѣ и въ сосѣднихъ съ нимъ улицахъ устроены были лавки и мѣста для торговли всякаго рода товаромъ. Продавцы шелковыхъ и суконныхъ тканей, золотыхъ дѣлъ мастера, скорняки, сапожники, шапочники, сѣдельники, портные и другіе, — всѣ имѣли здѣсь свои особые ряды. Въ улицѣ, идущей направо отъ Кремля, находился иконный рядъ, гдѣ вымѣнивались образа.

Далѣе находится особая площадка, на которой москвичи подъ открытымъ небомъ стригутся. Рынокъ этотъ, называемый вшивымъ, до такой степени устланъ толстымъ слоемъ волосъ, что ходишь по немъ, точно по подушкѣ. Въ этой части города живутъ нѣкоторые изъ бояръ и лучшіе купцы.

Мы мало имѣемъ свѣдѣній о строительной дѣятельности Михаила Ѳеодоровича въ Бѣломъ-городѣ, Замоскворѣчьѣ, деревянномъ городѣ, или «Скородомѣ», а также въ окружныхъ слободахъ Москвы. Но и въ этихъ большихъ концентрическихъ кругахъ, почти сплошь истребленныхъ «разрухой» междуцарствія, работа кипѣла громадная. По описнымъ книгамъ патріаршаго приказа временъ Филарета Никитича значится уже множество прежде существовавшихъ и совсѣмъ новыхъ церквей. Но храмовая исторія Москвы не можетъ съ достаточною точностью указать, что именно возстановлено и что построено здѣсь первымъ царемъ изъ дома Романовыхъ. По свидѣтельству Олеарія, въ это царствованіе во всей Москвѣ было до 2.000 церквей, монастырей и часовенъ.

Укажемъ на нѣкоторыя изъ строеній этого времени. Въ Бѣломъ-городѣ братъ патріарха Иванъ Никитичъ Романовъ въ 1625 году построилъ церковь Знаменія Божіей Матери, существующую теперь, въ качествѣ домовой, при домѣ графа Шереметева; кромѣ того, въ это царствованіе построены церкви:

Іоанна Предтечи на Малой Лубянкѣ, Космы и Даміана на Покровкѣ, Николы въ Гнѣздникахъ, Воскресенія на Успенскомъ вражкѣ, въ память встрѣчи съ отцомъ Филаретомъ Никитичемъ, Космы и Даміана на Шубинѣ, Георгія на Красной горкѣ, Петра и Павла у Яузскихъ воротъ.



Усыпальница бояръ Романовыхъ въ Новоспасскомъ монастырѣ.

Немало памятниковъ строительной дѣятельности царствованіе это оставило въ Замоскворѣчьѣ, для соединенія коего съ Бѣлымъ-городомъ начато было сооруженіе Каменнаго моста; для чего изъ Страсбурга былъ вызванъ (въ 1643) мастеръ Анце Кристлеръ, привезшій съ собою заграничныя мѣдныя и желѣзныя

снасти и инструменты. Сдѣлана была деревянная модель моста и начаты работы на рѣкѣ, но онѣ были остановлены смертью царя, и сооруженіе было окончено только при Софьѣ Алексѣевнѣ. Многія церкви Замоскворѣчья были возобновлены послѣ разоренія, а другія построены вновь, какъ, напримѣръ, Михаила Архангела въ Овчинникахъ.

Въ деревянномъ городѣ возобновлено было много старыхъ церквей и немало было построено новыхъ, каковы: Знаменія за Петровскими воротами (каменная, вмѣсто деревянной) Пимена въ Старыхъ Воротникахъ, Іоанна Богослова въ Бронной, Преображенія и Сергія чудотворца въ Пушкаряхъ. Въ селахъ и слободахъ московскихъ, вошедшихъ затѣмъ въ черту города, Михаилъ Ѳеодоровичъ тоже построилъ немало храмовъ; такъ, въ селѣ Рубцовѣ-Покровскомъ, родовомъ владѣніи бояръ Романовыхъ, гдѣ нынѣ Покровская община, построена была церковь Покрова, въ память отраженія отъ Москвы поляковъ, а также храмъ Введенія въ Семеновскомъ.

По приведенному изъ «Книги объ избраніи Михаила Ѳеодоровича на царство» рисунку, изображающему встрѣчу его на Прѣснѣ съ отцомъ своимъ Филаретомъ Никитичемъ, мы можемъ составить себѣ представленіе (см. стр. 88 и 89) о «Скородомѣ», или деревянномъ городѣ, откуда вышелъ крестный ходъ: онъ окруженъ валомъ и деревянными стѣнами съ башнями; вдали виденъ и Бѣлый-городъ съ его каменными стѣнами, башнями и воротами.

Въ Новоспасскомъ монастырѣ, гдѣ похоронены отецъ и братъ царицы Анастасіи, Никита Романовичъ, родитель Филарета, и четверо его братьевъ, подвергшихся гоненіямъ при Годуновѣ, была погребена сама мать царя,—великая инокиня Марѳа Іоанновна. Михаилъ Ѳеодоровичъ вмѣсто ветхаго собора Преображенія, построеннаго здѣсь Іоанномъ III, воздвигъ новый Спасскій соборъ, который обогащалъ своими вкладами, между коими особенно выдѣляются пожертвованная царемъ плащаница и ризы дивной работы, украшенныя жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. Его украшеніе продолжалъ его сынъ Алексѣй Михайловичъ, почему здѣсь былъ поставленъ портретъ обоихъ царственныхъ храмосоздателей, держащихъ въ рукахъ храмъ. Здѣсь же находится и путевая икона матери государя «Умиленіе». Патріархъ Филаретъ построилъ въ монастырѣ новую колокольню съ храмомъ Саввы Освященнаго и на свое иждивеніе окружилъ высокими крѣпостными стѣнами и башнями монастырь, нахо-

дившійся, въ качествѣ придворнаго, въ вѣдѣніи приказа Большого дворца и щедро надѣляемый вкладами и вотчинами.

Вообще царствованіе Михаила Ѳеодоровича, какъ возстановителя первопрестольной столицы, въ высокой степени важно для Москвы. Образованность ея въ это время значительно подвинулась. Филаретъ Никитичъ, владѣвшій образованіемъ (онъ при Грозномъ отъ англичанъ научился латинскому языку, бывшему

Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ. Съ портрета въ Новоспасскомъ монастырѣ.

въ то время языкомъ образованной Европы), заботился о распространеніи у насъ образованія; въ Чудовомъ монастырѣ, ранѣе Заиконоспасской академіи, онъ учредилъ славяно-греко-латинскую школу; собиралъ рукописи и книги; поощрялъ ученье; заботился объ исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ; довелъ типографское дѣло въ Москвѣ до того, что иностранцы находили, что печатавшіяся тогда у насъ книги не уступаютъ иностраннымъ. Ювелирное дѣло, чеканка монеты (впервые золотой), литье (колоколовъ и пушекъ), живопись и

архитектура процвѣтали въ это время у насъ... Москвѣ есть чѣмъ вспомнить Михаила Ѳеодоровича Романова...

Кострома, какъ боярская вотчина Романовыхъ, собирается воздвигнуть памятникъ царю Михаилу Ѳеодоровичу, но не слѣдуетъ ли столь обязанной ему Москвѣ подумать о томъ, чтобы поставить и у себя достойный памятникъ этому государю, который является не только возсоздателемъ разрушеннаго Русскаго царства, но и возстановителемъ изъ страшныхъ развалинъ самой Москвы? Трудъ его въ послѣднемъ отношеніи былъ громаденъ и заслуживаетъ и памяти и памятника. Повторяемъ: его справедливо назвать «вторымъ основателемъ нашей столицы». Москва же — не просто городъ, а — историческій принципъ, хранилище нашихъ преданій, и это ее ко многому обязываетъ...

Въ ряду преемниковъ царя Михаила Ѳеодоровича Россія имѣла цѣлый рядъ выдающихся государей, начиная съ Алексѣя Михайловича и Петра Великаго, до нынѣ царствующаго Государя Императора Николая Александровича. Благодаря имъ Русская Исторія на свои страницы вписала цѣлый рядъ достославныхъ главъ своего новаго Романовскаго періода, свидѣтельствующихъ, что наше отечество непрерывно растетъ не только въ своихъ предѣлахъ и внѣшнемъ могуществѣ и экономическомъ благосостояніи, но и въ просвѣщеніи и другихъ отрасляхъ образованности.

Въ связи съ указанными въ первыхъ главахъ юбилейными эпохами намъ предстоитъ чествовать еще два юбилейныхъ эпизода этого Романовскаго періода: въ 1911 году — пятидесятилѣтіе съ освобожденія Александромъ II крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и въ 1912 году столѣтіе веденной императоромъ Александромъ I Отечественной войны.

Братина Михаила Ѳеодоровича.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Утвержденная грамота объ избранiи на царство Михаила Феодоровича Романова (находится въ Государственномъ Древлехранилищѣ въ Московскомъ архивѣ Мин. Иностр. дѣлъ).

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Чтеніе I. Начало междуцарствія, какъ результатъ не только внутренней смуты, но и происковъ поляковъ. Жолкѣвскій и избраніе на русскій престолъ польскаго королевича Владислава. Отрицательное отношеніе къ этому акту патріарха Гермогена. Попытки полякующей партіи отдать Русское царство, вмѣсто Владислава, его отцу—королю Сигизмунду III. Натискъ въ этомъ направленіи на патріарха. Столкновеніе съ нимъ Салтыкова. Гермогенъ созываетъ москвичей въ Успенскій соборъ и запрещаетъ имъ присягать на подданство польскому королю. По смерти Лжедимитрія II онъ разсылаетъ грамоты по областямъ съ разрѣшеніемъ отъ данной Владиславу присяги и призывами итти на освобожденіе Москвы отъ поляковъ вооруженными ополченіями. Вліяніе Гермогена на великихъ пословъ подъ Смоленскомъ. Патріаршія грамоты приводятъ къ Москвѣ стотысячныя ополченія служилыхъ людей и казаковъ. Низложеніе Гермогена и заключеніе его въ подземелье Чудова монастыря. Смерть Ляпунова, взятіе Смоленска поляками, а Новгорода шведами, картина гибели Россіи въ лѣтописномъ сказаніи. Троицкія грамоты преподобнаго Діонисія и Авраамія Палицына. Вызванный ими взрывъ патріотизма въ Нижнемъ-Новгородѣ. Мининъ и Пожарскій и ихъ ополченія. Августовскіе, сентябрьскіе и октябрьскіе дни въ 1612 году въ Москвѣ. Битвы съ гетманомъ Хоткевичемъ. Сдача поляками Китай-города и Кремля. Созывъ земскаго собора для избранія царя . . . . . 5—33

Чтеніе II. Ходъ земскаго собора и его рѣшеніе 21 февраля 1613 года призвать на царство Михаила Ѳеодоровича съ его потомствомъ. Причины такого рѣшенія въ историческомъ положеніи дома бояръ Романовыхъ. Посольство отъ земскаго собора въ Кострому къ новоизбранному царю. Отказы его и его матери послѣдовать народному рѣшенію и причины согласія ихъ на это. Историческая идея этихъ событій въ возстановленіи разрушеннаго до основанія Русскаго національнаго государства, какъ оно сложилось встарь. Очищеніе государства отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Войны съ шведами и поляками. Возстановленіе прежнихъ государственныхъ учрежденій и другія правительственныя мѣры. Патріархъ Филаретъ Никитичъ, какъ соправитель сына. Азовское сидѣніе казаковъ. Кончина Михаила Ѳеодоровича и значеніе его царствованія . . . . . 34—66

Чтеніе III. Михаилъ Ѳеодоровичъ, какъ второй основатель Москвы. Возстановленіе имъ Кремля, его соборовъ, устройство дворцовыхъ храмовъ и зданій. Памятники зодчества этой эпохи въ Китай-городѣ, Бѣломъ-городѣ, въ Скородомѣ, Замоскворѣчьѣ и пригородныхъ слободахъ. Усыпальница бояръ Романовыхъ и храмы въ Новоспасскомъ монастырѣ. О памятникѣ царю Михаилу Ѳеодоровичу въ Москвѣ въ память трехсотлѣтія съ его воцаренія. . . . . 67—104

Чтеніе IV. Отечественная война 1812 года и Бородинская битва 101—204

СПИСОКЪ

свѣтовыхъ картинъ къ чтеніямъ о междуцарствіи (1610—1612) и царствованіи Михаила Ѳеодоровича Романова (1613—1645).

1. Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій.
2. Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій.
3. Патріархъ Гермогенъ.
4. Троицкая лавра.
5. Лжедимитрій II.
6. Польское войско въ XVII вѣкѣ.
7. Сигизмундъ III.
8. Смоленскъ.
9. Патріархъ Гермогенъ и поляки.
10. Чудовъ монастырь.
11. Его подземелье, гдѣ былъ заключенъ патріархъ Гермогенъ.
12. Преподобный Діонисій.
13. Кремль Нижняго-Новгорода.
14. Мининъ и Пожарскій.
15. Знамя князя Пожарскаго.
16. Его печать и подпись.
17. Авраамій Палицынъ въ станѣ казаковъ.
18. Пожарскій передъ битвой съ поляками.
19. Его въѣздъ въ Кремль.
20. Гробница князя Пожарскаго.
21. » Минина.
22. » патріарха Гермогена.
23. Памятникъ Минину и Пожарскому въ Москвѣ.
24. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ
25. } въ началѣ и въ концѣ
26. } царствованія.
27. Его отецъ, патріархъ Филаретъ Никитичъ.
28. Его мать, инокиня Марѳа Іоанновна.
29. Царица Евдокія Лукьяновна.
30. Иванъ Сусанинъ и поляки.
31. Ипатьевскій монастырь.
32. Романовскія палаты въ Костромѣ.
33. Памятникъ Сусанину въ Костромѣ.
34. Палаты бояръ Романовыхъ въ Москвѣ.
35. Ихъ Крестовая палата.

36. Выходъ въ Успенскій соборъ на царское вѣнчаніе.
37. Коронованіе въ Успенскомъ соборѣ.
38. Обѣдъ въ Грановитой палатѣ.
39. Встрѣча въ Москвѣ Филарета Никитича.
40. Его посвященіе въ патріархи.
41. Корона
42. Держава
43. Скипетръ — царя Михаила Ѳеодоровича Романова.
44. Тронъ
45. Печать
46. Подпись
47. Кремлевскіе дворцы при основателѣ Царствующаго Дома Романовыхъ.
48. Престольная и
49. Крестовая палаты — въ царскихъ теремахъ.
50. Дворцовые храмы: Спаса за золотою рѣшеткою.
51.—Рождества на Сѣняхъ.
52.—Воскресенія Словущаго.
53.—Св. Лазаря.
54. Дворцовая икона Ѳеодоровскія Богоматери.
55. Усыпальница бояръ Романовыхъ въ Новоспасскомъ монастырѣ.
56. Храмъ въ усыпальницѣ.
57. Грамота объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича Романова.
58. Портреты Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича въ соборѣ Новоспасскаго монастыря.
59. Гробница первыхъ царей дома Романовыхъ въ Архангельскомъ соборѣ.
60. Печати патріарха Филарета Никитича.
61. Выходъ царя и царицы послѣ бракосочетанія.
62. Братина царя Михаила Ѳеодоровича.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА